

В. В. Мирошникова, В. В. Мирошников, В. М. Скляренко Знаменитые путешественники

Вступление

Ступни горят. В пыли дорог душа...

Максимилиан Волошин

В человеческой истории много страниц, отражающих самую суть, квинтэссенцию, сменяющих друг друга исторических эпох. Однако особое место среди них занимают страницы, связанные с географическими открытиями, в которых тесно переплелись экономические, политические интересы и стремление человека к познанию. Все это создает особый мир — мир страстей и верности долгу, триумфов и трагедий, разбитых судеб и величия подвига. И для всех поколений этот мир всегда был овеян духом романтики. Он будил воображение и звал в неведомые дали, несмотря на очевидные опасности, лишения и реальную перспективу гибели.

Географические открытия — это результат путешествий, а путешествия совершали люди. Движимые процессами развития цивилизации, они медленно и неуклонно открывали свою планету,

узнавали о ней все новые и новые подробности и, обойдя вдоль и поперек, увидели, наконец, ее со стороны, из космоса.

Цели у открывателей были разные, часто далекие от географических изысканий. Мир помогали узнавать великие переселения и войны. На путь открытий толкали и жажда золота, и поиски лучшей доли, и патриотизм, и чувство долга, и самое благородное из чувств — стремление к познанию истины.

Пожалуй, ни в одной области человеческой деятельности нет такого калейдоскопа характеров и судеб, как среди людей, посвятивших свою жизнь путешествиям. Разные это были люди — жестокие и человеколюбцы, алчные и бессребреники, тщеславные и скромные, умные и не очень, влюбленные в свое дело и равнодушные, с обостренным чувством долга и стремящиеся выгадать что-либо для себя, подвижники и откровенные жулики, жесткие прагматики и мечтатели. Воины, торговцы, авантюристы, послы, переводчики, сборщики податей, шпионы, охотники, паломники, миссионеры, писатели... Имя им — легион.

Многие затерялись в анналах истории. О многих знают только специалисты. Есть такие, которые получили заслуженную славу, а иные — несправедливо забыты. Сколько судеб, полных

труда, страстей, борьбы, надежд и свершений, сколько жизней положено на алтарь науки. Об этих людях и их открытиях и рассказывает эта книга.

При отборе имен из огромного перечня известных истории путешественников принимались во внимание многие факторы. Главным среди них была обязательная принадлежность той или иной кандидатуры к числу открывателей планеты, а также вклад путешественника в науку или какую-либо сторону практической деятельности человека (развитие торговых путей, закрепление новых земель за государствами, степень выживаемости человека в экстремальных условиях и т. п.). Именно поэтому здесь читатель не найдет имен путешественников, чьи экспедиции были связаны с достижением спортивных результатов, — альпинистов, мореплавателей-одиночек и других, им подобных.

Наряду с именами, знакомыми каждому с раннего возраста, в книгу включены фигуры, мало известные большинству читателей, но результаты путешествий которых были весомы, либо которые, благодаря ярким чертам характера и поступкам, выделяются на фоне множества своих собратьев.

Было учтено, что имеющиеся в распоряжении наших читателей источники в основном широко освещают биографии русских путешественников. Зарубежные открыватели в отечественных изданиях

представлены гораздо меньше, буквально несколькими фамилиями. Исключения составляют только справочники, но они, благодаря специфике таких книг, ничего не сообщают о личных особенностях путешественников. А в данном случае авторы стремились показать героев очерков и с этой точки зрения, хотя сведения о частной жизни большинства путешественников и их личностных качествах крайне скудны. Впрочем, обстоятельства их жизни, заставившие героев очерков почти всю жизнь проводить вдали от близких, явно способствовали отсутствию этой самой «частной жизни». Особенности личности у них, в большинстве случаев, проявлялись на фоне обстоятельств путешествий, часто в экстремальных условиях, когда от решимости, быстроты и правильности принятых решений, способности противостоять обстоятельствам зависели жизни многих людей и результаты экспедиций. Поэтому в очерках много места уделено описанию фактов, в той или иной степени характеризующих именно эти моменты.

В книге сделана попытка через судьбы героев очерков показать историю развития географических знаний. С этой же целью каждый раздел книги, посвященный какому-либо из крупных хронологических периодов истории географических открытий, имеет краткое описание самых

характерных из присущих ему черт. С точки зрения авторов это должно помочь читателю лучше понять мотивы поступков героев книги.

И наконец, авторы надеются, что очерки помогут читателю ощутить неповторимую атмосферу путешествий. Ведь каждое путешествие — это приключение и открытие неизведанного, предощущение чуда, которое томит душу и влечет ее в даль за убегающим горизонтом, за красотой этого удивительного, яркого и все время меняющегося мира.

В плену Ойкумены

Ойкумена¹. Доисторические и античные времена

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Я список кораблей прочел до середины:

Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,

Что над Элладою когда-то поднялся.

Как журавлиный клин, в чужие рубежи...

Осип Мандельштам

¹ Так греки называли обитаемую часть суши, включавшую в себя все известные им и вовлеченные в жизнь греческого общества территории. Центром Ойкумены они считали Элладу.

На протяжении всей истории развития человечества люди инстинктивно или осознанно стремились расширить границы своих знаний или представлений о мире, который их окружал.

Освоение и приобретение знаний о поверхности планеты уходит корнями в седую древность. Люди никогда не сидели на месте. Целые племена и народы в поисках пищи переселялись из обжитых районов в места, более благоприятные для охоты, рыболовства, земледелия. Они занимали пустующие территории, вытесняли коренное население или спасались от захватчиков. Позже искали покупателей для своих товаров и сами ездили за тем, что охотно покупалось соотечественниками. Были и такие, которых горизонт неудержимо притягивал тайной неизведанного и непознанного.

Путешественники — а таковыми и были эти купцы, воины, охотники и мечтатели — привозили из странствий невиданные предметы и животных, рассказывали о пережитых приключениях, незнакомых природных явлениях и диковинных обычаях других народов. Со временем рассказы обрастали небылицами, становились легендами, мифами, высекались на стенах храмов, попадали в сочинения ученых, на страницы летописей и хроник. Постепенно сведений становилось все

больше, но они не давали ответа на многие вопросы, которые интересовали людей в то время. В попытках объяснить строение окружающего мира родились первые представления о Земле и ее месте во Вселенной. У разных народов они были различны.

В Древней Руси, например, как свидетельствует Голубиная (Глубинная) книга, Землю помещали на спину Рыбы-кит (трех китов). А еще раньше, у древних славян, считалось, что Вселенная подобна яйцу, в центре которого находится Земля — желток, делящийся на верхний и нижний миры. Чтобы перейти из одного в другой, нужно было пересечь Окиян-море.

Убеждение древних индийцев в том, что Земля представляет собой плоскость, возложенную на спины слонов, которые стоят на спине огромной черепахи, известно каждому школьнику. А вот последующие изменения в их представлениях известны далеко не всем. Стоило жителям Индостана узнать, что совсем недалеко в море есть острова, то есть земли, не укладывающиеся в рамки существующего мира, они придумали новый вариант. По нему Земля — это цветок лотоса, распустившегося на лоне вод, острова — едва раскрывшиеся бутоны, а далекие земли — листья священного растения. В этом их мире Гималаи стали пестиком чудесного цветка, а окружающие

хребты — его тычинками. Стебель же дивного растения исчезает в глубинах океана и, переходя из бездны в бездну, пускает свои корни глубоко в сердце Браммы.

Первоначальный греческий миф был почти точным заимствованием у финикийцев. Финикийские железные столбы, на которые опирается неподвижная плоская Земля, греки заменили гигантами, несущими это бремя за бунт против Зевса. Позже, когда эллины начали осваивать морские пути, они создали совсем другой вариант, изложенный Гомером. По нему, Земля представляла собой выпуклый щит, который омывает река Океан. Со временем река превратилась в океан. Считалось, что на рубеже мира находятся Геркулесовы Столбы. Если плыть от них дальше на Запад, можно добраться до такого места, где воды Океана огромным водопадом низвергаются в бездну, и горе тому кораблю, который достигнет этого места.

Проникая все дальше от мест своего обитания, люди постепенно убеждались в том, что море значительно больше, чем принято думать, и что никто воочию не видел «небесной тверди» и не приближался к роковому водопаду за Гибралтарскими Столбами.

Невероятным мужеством должны были обладать эти путешественники. Отправиться в путь,

наслушавшись рассказов о том, что может ждать впереди, было по плечу разве что героям вроде Ясона или Одиссея. Мифы о них несут явную печать действительных плаваний, искаженных пересказчиками. Да и явления природы или невиданные животные вполне могли трансформироваться в сознании и предстать как ужасные Сцилла и Харибда, а необычные украшения или шлемы на головах враждебно настроенных туземцев — превратить обычных людей в кровожадных циклопов. Такие случаи известны даже в гораздо более поздние времена. Прослыли же патагонцы великанами из-за своих плащей с высокими остроконечными шапками. Именно так описывали их участники одной из экспедиций конкистадоров во времена завоевания Америки.

Кто же были эти путешественники, рискнувшие бросить вызов могущественным силам, ожидающим их за пределами известного мира?

К сожалению, первые из исторически зафиксированных путешествий анонимны. Мы ничего не знаем о том, кто возглавлял и кто принимал участие в самой древней из доподлинно известных науке экспедиций, отправленной египетской царицей Хатшепсут в Пунт. Ученым удалось установить, что она состоялась в 1493 г. до н. э., а таинственная страна Пунт — скорее всего,

Сомали. Известно также, что после первого путешествия связи Египта с Пунтом стали постоянными, но из-за упадка египетской цивилизации со временем прекратились. Мы знаем имена лишь нескольких мореплавателей этого периода. Одна из надгробных надписей, например, прославляет кормчего Хнемхотепа, который вместе с кормчим Хви одиннадцать раз плавал в Пунт.

Фараоны нередко совершали экспедиции с целью завоеваний в Малую Азию. Их описания, содержащие некоторые, правда, очень скудные, географические сведения, сохранились на многих египетских памятниках. Например, около 1500 г. до н. э. фараон Тутмос I двинул египетские войска через Сирийские горы в долину р. Иордан, оттуда к берегам Евфрата и установил владычество над этими областями, длившееся несколько столетий. Затем его преемники значительно расширили завоеванные территории. Здесь завоевателей поразило, что в отличие от Нила р. Евфрат течет к югу, а в Ливанских горах есть такие высокие вершины, что один из приближенных фараона смог поставить шатер «над облаками». Говорится еще о гигантских ливанских кедрах. Этим географическое описание исчерпывается. По-видимому, высокомерным египтянам описание завоеванных стран не казалось достойным внимания.

Замкнутость Египта и погубила его. Пальму первенства перехватили вассальные финикийцы, которые начали организовывать морские экспедиции, преуспели в торговле и установили монополию на нее, получив право беспрепятственного плавания по Нилу. На своих галерах, которые пророк Исайя сравнивает со стаями голубей, они перевозили продукты питания из Малой Азии и обменивали их у первобытных тогда еще народов Европы и Северной Африки на золото, серебро, олово и другие товары.

Финикийцы стали одним из самых активных народов-мореплавателей древности. Уже за 1500 лет до н. э. они имели колонии на Кипре, Родосе и многих островах Эгейского моря, а позже появились на берегах Европы и Африки. Маршруты же кораблей простирались значительно дальше. Предполагают, что они побывали даже в Индии и на островах Малайского архипелага. За двадцать веков до Васко да Гамы они совершили плавание вокруг африканского материка от Красного моря к Средиземному. К сожалению, письменных свидетельств своих путешествий финикийцы не оставили, поэтому их открытия человечеству в подробностях известны не стали.

Это сделали пришедшие на смену финикийцам карфагеняне и греки. Их вклад, в частности последних, в развитие зарождающейся

географической науки был особенно весомым. Именно греки, оставившие значительное по тому времени количество письменных источников, стали основателями географической науки. Упадок греческой цивилизации не сказался на ее развитии. Значительным толчком к расширению географического горизонта древних стали походы Александра Македонского, открывшие для народов Средиземноморья необъятные просторы Ближнего Востока, Персии, стран, прилегающих к Каспийскому морю, и таинственную Индию. Великий полководец снарядил и несколько морских экспедиций, в том числе имея целью и расширение географических познаний.

С накоплением знаний появились и ученые. Часто в эволюцию представлений о Земле вносили вклад и те из них, кто был весьма далек от географии, — философы, математики, астрономы и др.

Уже Пифагор высказывал мысль о том, что Земля имеет форму шара. А «отец философов» Аристотель собрал доказательства и провозгласил, что только шарообразностью Земли можно объяснить разную высоту восхождения солнца и звезд на различных территориях, а также истолковал, почему в южных странах картина звездного неба сильно отличается от таковой в северных.

Вскоре после этого Эратосфену удалось с замечательной для того времени точностью рассчитать величину земной окружности. По его данным, она равнялась 250 тысячам стадий (39 816 км), то есть немногим меньше, чем в действительности.

В ту же эпоху некто Кратес из Маллоса пытался сделать глобус, на котором кроме известных ему стран изобразил еще четыре части света, которые, как предполагали ученые, должны были находиться в остальных четвертях Земного шара. Именно эти умозаключения стали потом основой теорий, согласно которым в южной части земного шара обязательно должен быть материк, уравнивающий остальные, то есть *Terra Australis incognita* — «Неизвестная Южная земля».

Но знаменитая «ученость» эллинистического мира погибла при пожаре Александрийской библиотеки, оставив в наследство Средним векам лишь крохи знаний, вскоре забытых под давлением церкви. Людям средневековья пришлось узнавать мир заново.

Пифей (Питеас) Массалиот (IV в. до н. э.)

Пифея можно считать первым настоящим географом, замечательным путешественником и ученым.

Аксель Альтман. «Борьба за Северный и Южный полюс»

Древнегреческий мореплаватель, астроном, математик и географ. Сумел совершить плавание вдоль части северного и западного берегов Европы. Открыл о-ва Зеландия, Великобритания и Ирландия, п-ова Бретань и Скандинавский, пролив Каттегат и Бискайский залив. Вычислил наклон плоскости эклиптики к плоскости небесного экватора, первым указал на связь между движением Луны и приливо-отливными явлениями океана.

Имя замечательного ученого и путешественника Пифея Массалиота долгое время находилось в забвении. Современники, услышав его рассказы об увиденных в путешествии землях, сочли его выдумщиком. Уж очень не соответствовали они уровню географических представлений того времени. Не менее странными казались соплеменникам и необычные научные изыскания Пифея, намного опередившего свое время. Поэтому его труды длительное время не переписывались, а значит, не распространялись, и

были безвозвратно утеряны. Сохранились только отдельные фрагменты, приведенные в трудах других ученых. Поэтому биография Пифея и маршрут его путешествия до сих пор остаются невыясненными. Более того, относительно последнего ведутся жаркие споры. Тем не менее современные историки с полным основанием относят Массалиота к числу самых крупных ученых и путешественников древности, внесших много нового в науку о Земле. О значении его странствия очень точно выразился К. Вейле в книге «Исследование поверхности Земли», писавший: «Путешествие Пифея должно считаться межевым столбом в истории географических открытий и в истории развития физической географии».

Древнегреческий мореплаватель Пифей родился и жил в Массалии (так в те времена назывался г. Марсель). Предполагают, что датами его жизни могут быть 390–320 гг. до н. э., или 350–280 гг. до н. э., или какие-либо другие даты в этих пределах. О детстве и юности путешественника сведения не сохранились, но известно, что некоторое время он учился в малоазийском городе Книде у знаменитого ученого Эвдокса Книдского, создавшего целую школу математиков и астрономов. Предполагают, что средства на жизнь Пифей зарабатывал торговлей, не оставляя занятий наукой.

Пытливый ум и каждодневный труд сделали Пифея искусным астрономом и математиком. Замечательно точно с помощью гномона² он сумел определить широту Массалии. Кроме того, ученый установил точку полюса на звездном небе, составил парапегму — астрономический календарь, дающий возможность каждому жителю города получать сведения о времени восхода и захода солнца и отдельных звезд, сроках солнечных и лунных затмений, днях равноденствия и солнцестояния, сроках сельскохозяйственных работ и т. п. Позже, уже во время странствия, он сделал чрезвычайно ценные наблюдения за приливами и отливами в Атлантическом океане. Но наиболее важной его заслугой является открытие морского пути в Британию.

Уже в те времена Массалия была крупным торговым центром. Местные купцы проявляли заинтересованность к янтарю и олову. Поэтому и была организована экспедиция в Северную Европу, где, по слухам, они добывались в изобилии. Но самого Пифея больше металлов и драгоценностей явно манили новые знания. Он хотел воочию

² *Гномон* («теневой стержень») — узкий каменный столб, служащий для определения по его тени в полдень дней равноденствия и солнцестояния.

убедиться в том, что с возрастанием географической широты увеличивается высота небесного полюса. Он стремился видеть и изучать явления природы, жизнь людей за пределами привычного мира Средиземноморья.

Первая экспедиция, в подготовке которой Пифей принимал непосредственное участие, не удалась. В то время Гибралтарским проливом безраздельно владели карфагеняне, и ворота Средиземного моря были наглухо закрыты для чужеземных судов. Когда небольшая флотилия приблизилась к проливу, карфагеняне атаковали ее и потопили несколько кораблей. Отец Пифея погиб, а он сам прыгнул с тонущего корабля и вплавь добрался до берега. После нескольких месяцев скитаний он сел на корабль в массалийской колонии Алонис и вернулся на родину.

Оставшись почти без средств к существованию, так как в организацию экспедиции семья Пифея вложила значительные средства, ученый начал агитировать отцов города снарядить новые корабли для плавания к Оловянным островам, по слухам, расположенным где-то на севере. Наконец, народное собрание постановило собрать общественные средства для организации новой экспедиции, и ученый с энтузиазмом взялся за дело.

О том, каким путем двинулся Пифей на север Европы, существует две версии. По одной, наиболее распространенной, он каким-то образом прошел через блокированный карфагенянами Гибралтарский пролив, по другой — совершил путешествие по суше, вдоль рек Роны и Сены или Роны и Луары. Есть также вариант о путешествии через Черное море, а затем по известному пути «из варяг в греки». Если взять за основу первую версию, то путь Пифея мог выглядеть таким образом.

Около 327–322 гг. до н. э. два пятидесятивесельных корабля вышли из гавани Массалии и взяли курс на Гибралтарский пролив. Плыли ночами, вдали от берега, чтобы карфагеняне не узнали о приближении кораблей к заветному проливу. Пифей специально выбрал для операции период новолуния. Под покровом темной южной ночи, погасив все огни, с убранными парусами и мачтами, предприимчивые греки благополучно миновали стражу и выбрались на просторы Атлантики. Помогла путешественникам и сильная гроза, заставившая стражей умерить свою бдительность.

Далее на их пути лежал мыс Гадес, где у карфагенян был значительный флот, который мог потопить корабли. Пришлось плыть дальше от берега, ориентируясь по солнцу или звездам. Для

греков, привыкших плавать только в узкой прибрежной полосе и по хорошо знакомому Средиземному морю, это был настоящий подвиг. И опять при ориентировании пригодились знания Пифея, который сумел правильно определить курс.

Через шесть дней флотилия достигла Священного мыса (совр. м. Сан-Висенти), который считался крайней точкой Ойкумены и за которым кончались владения карфагенян. Путь на север был открыт.

Корабли двинулись вдоль западного берега Европы по местам, где греки никогда еще не бывали. Да и не только греки. Правда, примерно в одно время с Ганноном в северном направлении двинулась экспедиция другого карфагенянина, Гимилькона. Но наверняка его соотечественники подробности плавания держали в глубокой тайне и греки о них ничего не знали, иначе история сохранила хотя бы некоторые подробности путешествия. Как бы то ни было, но для Пифея и его спутников путь был достаточно необычен и сложен. Достаточно того, что здесь они впервые встретились с особенностями прибрежного плавания в океане, связанными с приливами и отливами. Их Пифей описал в дневнике, отрывки из которого попали в труды греческого географа и историка Страбона. Наблюдения за приливами и отливами привели Пифея к правильному и

совершенно новому для современников суждению о том, что эти явления связаны с притяжением водной оболочки Луной.

Корабли прошли вдоль побережья Пиренейского полуострова, вошли в Бискайский залив и достигли кельтского города Карбилона, расположенного в устье р. Луара. От местных жителей Пифей узнал, что олово и сюда поступает с севера, и двинулся дальше. Венеты и осимии, населявшие п-ов Бретань и о. Уксисама (совр. Уэссон в Западной Франции), отправили его еще дальше, к северным островам, один из которых назывался Альбионом, или Британией. По их словам, рядом с ним были расположены небольшие «Оловянные» острова — Касситериды.

Неутомимый Пифей взял переводчика и отправился дальше, до пролива Па-де-Кале, где переправился в Британию. У ее берегов он подметил, что «наиболее высокое стояние уровня моря близко совпадает с прохождением (верхним или нижним) стояния Луны через меридиан места».

На полуострове Корнуэлл он ознакомился с добычей и выплавкой олова. Вскоре один из кораблей с ценным оловянным грузом был отправлен в Карбилон, а Пифей на другом судне продолжил плавание к северу вдоль западных берегов Британии. Он посетил Оркнейские и Шетландские острова, а затем осуществил свое

знаменитое плавание к берегам таинственной страны полуночного солнца — Туле (или Фуле). Так появилась одна из самых ярких загадок географической науки. На протяжении многих поколений ученые пытались выяснить, где же находится эта страна. Начиная с IX в. н. э. ее отождествляли с какими-либо островами: Гренландией, Исландией, Мейлендом (Шетландская группа островов) и др. Большинство же современных ученых склоняется к тому, что Туле следует искать в районе Тронхгеймсфьорда на западном берегу Норвегии у 64° с. ш. Именно эта земля в наибольшей степени отвечает характеристике, данной Пифеем: «Домашних плодов и животных здесь или вовсе нет, или очень мало, и население питается просом и огородными овощами, а также дикими плодами и кореньями. А где есть хлеб и мед, там приготавливается из них питье. Так как солнечных дней там не бывает, то хлеб молотят в больших строениях, предварительно снесши туда колосья; открытый ток у них не употребляется по недостатку солнца и обилию дождей».

Считается, что Пифей дошел до Полярного круга. На достигнутой им широте «ночь была совсем короткая и продолжалась местами два часа, а местами три часа». Видимо, он первым сообщил о существовании Ледовитого океана, так как пишет,

что наблюдал «свернувшееся», то есть покрытое льдом, море.

Побывав на севере, Пифей отправился на поиски легендарной реки Эридан, куда, по преданию, упал Фазтон. Именно поэтому там якобы появился янтарь, высоко ценимый греками. Массалиот должен был в интересах массалийских купцов найти его месторождения. Путешественнику удалось выполнить и эту задачу. После длительного плавания мореплаватели оказались в заливе Метуония, куда впадала большая река. На берегах залива и на острове, расположенном в его акватории, добывали янтарь. С уверенностью можно говорить о том, что речь идет об устье Эльбы. Правда, сейчас здесь нет «янтарных островов», которые видел Пифей. Но в его времена они существовали, а позже были смыты.

Дальше мореплаватели попытались пройти вдоль полуострова Ютландия, но встретили странное явление, о котором Пифей писал: «...нет больше земли, моря или воздуха, а вместо них смесь всего этого, похожая на морское легкое, где земля, море и вообще все висит в воздухе, и эта смесь служит как бы связью всего мира, по которой невозможно ни ходить пешком, ни плыть на корабле».

Так возникла еще одна загадка. До сих пор так и не установлено, что именно имел в виду Пифей, описывая это явление. Скорее всего, как считает известный историк А. Б. Дитмар, «слова Пифея о «морском легком» относятся к району Эльбы, где на отмели во время отлива «вода как бы дышит, подобно живому организму. Такая отмель обычно покрыта густой сетью водных притоков, наподобие губчатого человеческого легкого...» По отмели действительно нельзя ни плыть, ни ходить, а частые в этом районе густые туманы довершают картину.

Попав в непривычные условия, Пифей решил повернуть обратно. Однако в отношении того, каким путем он возвращался на родину, мнения исследователей тоже разделились. Одни отстаивают путь вдоль западного побережья Европы и через Гибралтарский пролив (карфагеняне-де беспрепятственно пропускали корабли, плывущие в Средиземное море, а не из него), другие считают более вероятным сухопутное путешествие по старинной «дороге янтаря». Она начиналась на восточном берегу Эльбы и заканчивалась в долине Роны. Видимо, именно это путешествие дало возможность Пифею собрать первые исторически зафиксированные сведения о германцах.

Вернувшись домой, ученый написал два произведения: «Об океане» и «Описание земли» — и отправился с ними в Афины. Рукописи стали

известны философу и географу Дикеарху, а позже историку Тимею. Оба дали очень высокую оценку книгам Массалиота и широко использовали сведения из них в своих трудах. Именно им, да еще Страбону мы обязаны сохранением сведений о замечательном путешествии Пифея, его научных изысканиях и образе жизни европейских народов в ту далекую эпоху.

Геродот **(484–406 гг. до н. э.)**

Когда на играх Олимпийских,
В надежде радостных похвал,
Отец истории читал,
Как грек разил вождей азийских
И силы гордых сокрушал, —
Народ, любитель шумной славы,
Забыв ристанья и забавы,
Стоял и весь вниманья был.

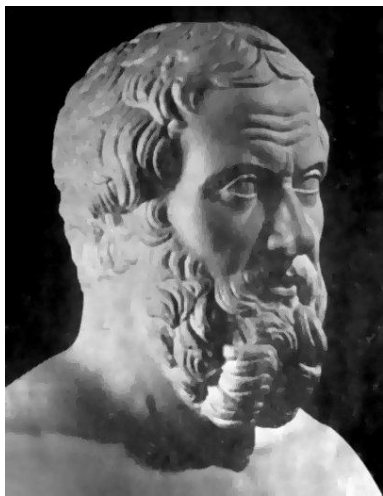
**В. Жуковский. Творцу «Истории
Государства Российского»**

*...смешно глядеть, как из множества
составителей землеописания ни один не показал вида
земли толково. По их начертанию Океан обтекает*

землю кругом, причем земля представляется кругообразною, как бы циркулем сделанною... Я не знаю о существовании какой-либо реки Океан, мне кажется, что Гомер или кто-нибудь из прежних поэтов выдумал это имя...

Геродот. «История»

Древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». Первый ученый-путешественник древнего мира, совершивший путешествия по всем известным в его время землям и оставивший их описание.

Геродот был греком по происхождению, но родился в 484 г. до н. э. в малоазийском городе Галикарнасе, на месте которого ныне стоит турецкий порт Бодрум. Его отца звали Ликс, а мать — Дрио. Они были знатными и зажиточными горожанами. Свой литературный дар ученый, видимо, получил от дяди, поэта Паниазиса, чьи стихи были популярны у современников не менее, чем творения Гомера или Гесиода. Возможно, именно он привил племяннику любовь к истории и высокие патриотические чувства. Уже в ранние годы Геродот наверняка познакомился с творениями Гомера, Гесиода, Сапфо, Анакреона и других греческих авторов.

В то время греки вели непримиримую борьбу с персами, пытавшимися завоевать Элладу. Но были и такие, кто готов был покориться чужеземцам. К ним относился и правитель Галикарнаса Лигдамид. После победы афинского полководца Кимона над персами во Фракии (468 г. до н. э.) в городе вспыхнуло восстание, в котором приняли активное участие Паниазис и Геродот. Оно было подавлено. Дядя будущего ученого был приговорен к смерти, а Геродот подвергся изгнанию. Так он оказался на острове Самосе, где прожил несколько лет. Предполагают, что именно отсюда начал он свои путешествия: сначала в Египет, затем в Вавилон, Персию, по греческим

городам-полисам на берегу Малой Азии, на Балканский полуостров, в Колхиду, Междуречье, таинственную Скифию и др.

Для того времени это была поездка, удивительная по масштабам и стремлениям. Ведь Геродот преследовал сугубо научные цели. Ученый намеревался составить максимально полный труд об истории греко-персидских войн и не мыслил его без подробного описания нравов, обычаев и природы стран, на чьих территориях происходили основные события. Своей цели он достиг, но колоссальный исторический труд вышел далеко за рамки первоначального замысла. Многие поколения ученых черпали из него сведения по самым различным областям знания. Без его цитат и сейчас не обходятся научные и популярные книги, где упоминаются территории, по которым путешествовал Геродот.

Во время странствий он подметил и описал множество фактов о природных особенностях, климате, растительном и животном мире посещенных им стран, об обычаях и культуре населяющих их людей. Он высказал удивительную для того времени мысль о единстве Атлантического и Индийского океанов. Им были подмечены взаимоотношения между сушей и водой, распределение дождевых осадков по временам года,

ежедневно и правильно повторяющиеся колебания уровня воды в Красном море и др.

Колоссальный объем составляют сведения, собранные Геродотом о нравах, быте, обычаях и истории народов Ойкумены, в том числе о таких, которые грекам были известны только понаслышке. К их числу относятся скифы и сарматы, населявшие причерноморские степи. Геродота, выросшего в горной и лесистой местности, Скифия поразила огромными безлесными равнинами, тучными пастбищами. Зима там, по мнению ученого, была слишком суровой. Его поразило то, что в морозы она «не делает грязи», — факт невиданный для греков, живших в мягком климате Средиземноморья. Даже лето показалось ученому холодным и дождливым. И огромные реки Скифии — Истр (Дунай), Тира (Днестр), Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр), Танаис (Дон), Гиркис (Донец) и др. — брали начало не в горах, как обычно (то есть в Греции), а в озерах. Станным показался ему и образ жизни скифов. По его мнению, они были храбры, добродушны, беспечны и общительны, но склонны к излишествам и разгулу. Для греков, привыкших к умеренности, это казалось непривычным. Скифы, жившие вблизи черноморского побережья, где было много греческих колоний, занимались земледелием. Их называли каллипидами. Далее к северу обитало

другое земледельческое племя — алазоны, возделывавшие хлеб, чеснок и чечевицу. А восточнее реки Пантикапы лежали земли скифов-кочевников, которые занимались животноводством. Среди них Геродот особо выделил «царских скифов», живших между Танаисом и Борисфеном. Они подчиняли себе другие скифские племена и считали их своими рабами.

Север же Геродот считал необитаемым. Правда, где-то севернее скифов-пахарей жили невры, которые к скифам не относились, но соблюдали их обычаи. Зимой они якобы превращались в волков, однако сам Геродот в эти рассказы не поверил.

По мере возможности Геродот проверял все полученные сведения, а ко многим относился критически, что придает особую ценность его трудам. Например, в одном из районов Аравии ему сообщили о больших крылатых змеях, которые водятся в одном из районов. Он сам отправился туда и обнаружил вместо чудовищ маленьких летающих ящериц.

Большинство сведений, приведенных в его трудах, в основном подтвердились позднейшими исследованиями. Тем не менее и ему были свойственны ошибки. Наибольшую путаницу в развитие географии внесли его данные о Ниле,

который, по мнению Геродота, «приходит с дальнего Запада». Это заставило ученых предположить взаимосвязь Нила и Нигера. В результате много поколений путешественников потратили время и силы, пытаясь установить истину. Некоторые заплатили за это жизнью. Ошибочность утверждения Геродота была установлена только в XIX веке.

Тем не менее в результате своих путешествий Геродот сильно изменил привычную для его современников карту Ойкумены. В те времена существовало мнение, что суша имеет форму правильного круга, который омывает река Океан, а реки Нил и Танаис разделяют ее на Ливию, Азию и Европу. Геродот выступил против такой точки зрения. Он утверждал, что за известными землями лежат другие, а что за ними — неизвестно. Отрицал он также существование реки Океан. Кроме того, ученый впервые определил Каспийское море как замкнутый водоем, который не сообщается со Средиземным или каким-либо другим морем.

В 455 г. до н. э. в Галикарнасе вспыхнуло новое восстание. На этот раз Лигдамид был свергнут, и Геродот получил возможность вернуться домой. Но на родине он пробыл недолго. Стремление к странствиям опять увлекло его от родных пенатов, на этот раз в Египет, а потом в восточную Ливию, Сирию и Финикию. Вернувшись

домой, ученый занялся обработкой материалов. Благодаря своим путешествиям он стал очень популярен в греческом мире, который переживал значительные перемены.

После битвы при острове Саламин, где греки одержали победу над персидским флотом, позиция Афин усилилась. Вокруг их правителя, знаменитого оратора и политического деятеля Перикла, образовался кружок выдающихся людей того времени. Ученые и писатели всего эллинского мира считали своим долгом посетить его, чтобы услышать критику своих произведений. В 447 г. до н. э. отправился в Афины и Геродот. На членов кружка он произвел огромное впечатление. Здесь его услышал Софокл и включил некоторые факты, рассказанные ученым, в трагедии «Антигона» и «Эдип в Колоне».

Геродот стал горячим поклонником Перикла и его политики. Несколько лет ученый прожил в Афинах. Отсюда он совершил несколько поездок в различные области Греции. Посетил Беотию, знаменитое Фермопильское ущелье — место битвы горстки спартанцев с многотысячным войском персов, Дельфы, Эпир, Лаконию, Аркадию и Элиду. В эти годы он много выступал перед народом и пользовался неизменным успехом. Например, в 444 г. до н. э. уже знаменитый ученый и путешественник присутствовал на Панафинейских

празднествах. Там он читал фрагменты из своего труда, которые очень понравились слушателям. Здесь его услышал 12-летний сын афинянина Олора, будущий знаменитый историк Фукидид. Мальчик плакал, слушая отрывки из «Истории», и Геродот сказал Олору: «Поздравляю тебя, Олор, с прекрасным сыном; его душа пылает к науке...»

Перикл ценил Геродота, иначе не послал бы его в 442 г. до н. э. для основания новой эллинской колонии Фурий в Великую Грецию. Так в те времена называли юг Италии. Этот городок (или поселок) на берегу Тарентского залива стал Геродоту новой родиной и последним пристанищем. Здесь ученый трудился над делом своей жизни — «Историей», работу над которой успел завершить до 479 г. до н. э. Точное время его смерти остается неизвестным. Скорее всего, это произошло в 406 г. до н. э. Жители Фурия похоронили его на городской площади, а на каменном памятнике написали: «Гроб сей останки сокрыл Геродота, Ликсова сына. Лучший историк из всех, кто по-ионийски писал...» В Пелах и Афинах в память об ученом были поставлены кенотафы — символические гробницы, сооружаемые в честь уважаемых сограждан, умерших вдали от родины.

Прошли столетия, и ученые Александрийского музея назвали труд Геродота

«Историей» и в знак уважения к ученому разделили его на девять книг, каждая из которых получила имя одной из муз. В таком виде он дошел до нашего времени — сначала в рукописях, а в 1474 г. был впервые напечатан. На русский язык полный перевод «Истории» Геродота во второй половине XIX в. сделал Ф. Г. Мищенко. Отдельные ее части с тех пор неоднократно переиздавались.

Лейф Эйрикссон Счастливый (ок. 975 г. — ок. 1022 г.)

О да, мы из расы древних,
Возносивших над Северным морем
Широкий крашеный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег нормандский...

Н. Гумилев. «На Северном море»

С именем... Лейфа Эйрикссона связано крупное историческое событие, которое часто определяется как «открытие Америки почти за 1000 лет до Колумба.

А. Б. Дитмар. «От Птолемея до Колумба»

Исландский мореплаватель, совершивший плавание через пролив Девиса к берегам Северной Америки.

Лейф Эйрикссон был сыном доблестного Эйрика Рауди (Рыжего), который в 982 г. с дружиной вышел в море и, плывя на запад, открыл южные берега неизвестной земли с зелеными лугами, защищенными от холодных северных ветров. Соседние острова, встреченные мореплавателями, были покрыты снегом и льдом, поэтому новую землю Рауди назвал Гренландией — «Зеленой страной». По другой версии, название связано с тем, что Эйрику необходимо было убедить соплеменников переселиться туда, поэтому название должно было быть привлекательным.

Эйрик, обладавший буйным нравом, поссорился с соседями и даже убил одного из них. Поэтому его изгнали из Хауказала в Исландии. Отыскав место для нового поселения, Рауди вместе с семьей и приближенными переселился в Гренландию и построил здесь усадьбу Братталид. Отсюда Лейф, а затем другие его дети и соплеменники отправлялись потом в море и, двигаясь в западном направлении, открыли и исследовали обширные области Северной Америки.

О детстве, да и вообще о жизни сына — открывателя Гренландии — почти ничего не

известно, в основном только то, о чем повествуют древние исландские саги. Вот как он там описывается: «Лейф был рослым и сильным, любо посмотреть, к тому же умен и во всем умерен, всеми уважаем». Родился он, по всей вероятности, еще в Исландии. Но жизнь викинга прошла в Гренландии и сделала его привычным к дальним морским путешествиям. Известно, что через 14 лет после переселения еще совсем молодой Лейф в 1000 г. ходил в Норвегию, где поступил в королевскую дружину. В Тронхейме он встречался с королем Улафом Трюгвессоном. Тот принял его с почетом и дал поручение обратить гренландцев в христианство.

Сага повествует, что Лейф сомневался в том, что выполнит поручение. Он сказал королю, что тот задал ему нелегкую задачу. Король же ответил, что лучше него никто с этим делом не справится. «Ты ведь удачливый», — сказал Улаф, предрекая будущие успехи храброго викинга и прозвище, с которым тот вошел в историю. Правда, поручение короля удалось выполнить лишь наполовину. Мать Лейфа, Тьедхильда, приняла христианство, а Эйрик остался верен старой вере — язычеству.

После смерти Улафа Эйрикссон решил отправиться в путешествие. Прослышав о том, что где-то на западе Бьярне Херулфссон, сбившийся с курса при плавании из Норвегии в Гренландию,

видел неизвестную землю с лесами, он купил у Бьярне корабль и набрал команду из 35 человек. Среди них был и южанин по имени Турок, сыгравший определенную роль в путешествии.

Первую встретившуюся на пути землю мореплаватели назвали Хеллюланд — «Страна плоских камней», так как там были сплошные гладкие камни и ледник. Плывя далее в южном направлении, они обнаружили другую землю, которую назвали «Лесной страной» — Маркландом. А через два дня плавания на северо-запад, обследовав еще один остров, направились через пролив, отделявший его от суши на севере. В устье небольшой речки викинги высадились на берег. Здесь они решили зазимовать и построили дома. Край был благодатный. В реке водились лососи, на суше росли «самосеющаяся пшеница» и «винное дерево». Команду разделили на две группы: одна работала в лагере, другая исследовала страну. Турок якобы показал мореплавателям виноград, который они, жители севера, видели впервые. Лейф дал стране название Винланд — «Виноградная страна».

Весной путешественники направились домой. По пути они подобрали 15 потерпевших крушение моряков и благополучно вернулись в Гренландию. С той поры Лейфа стали называть Счастливым (Удачливым). Он приобрел и богатство, и славу.

Судя по сагам, после этого путешествия Лейф больше не плавал в Винланд. Но после него там побывали его братья Турвальд и Торстейн, сестра Фрейдис и Торфинн Карлсэфни. Известно, что Турвальд погиб от рук туземцев, которых норманны называли скерлингами. Вероятно, это были эскимосы. Торфинн достиг Винланда с семьей и домочадцами. Там у него родился сын — первый европеец, чьей родиной стала Америка. Потом скандинавам из-за постоянных стычек со скерлингами пришлось покинуть Винланд. Дочь Эйрика Рауди и сестра Лейфа, Фрейдис Эйриксдаттир, тоже приплыла в Винланд с переселенцами. Зиму они прожили в хижине, построенной еще Лейфом. Но потом из-за начавшихся раздоров Фрейдис убила всех женщин и экспедиция вернулась домой.

После этих событий норманны все-таки переселились в земли, открытые Лейфом, и прожили там несколько десятилетий. В 1059 г. Папа Римский направил туда епископа крестить поселенцев. Но тот был убит, причем неизвестно кем — скерлингами или европейцами. В начале XII в. связи с колонией совсем оборвались, и ее дальнейшая судьба неизвестна. Возможно, колонисты вернулись в Исландию, а может быть, смешались с местными племенами. Во всяком случае, спустя несколько столетий поисками

«белых индейцев» — потомков викингов — занимался французский путешественник Ла Верандри. Он утверждал, что ими является племя манданов, вымерших в XIX в. от туберкулеза и оспы.

Очевидно, Лейф умер до 1025 г., так как в «Саге о побратимах» есть строки о том, что в это время его сын Торкель был хозяином в Эйриксфьорде, что могло случиться только после смерти мореплавателя.

До сих пор ученые спорят, какие именно участки восточного побережья Северной Америки посетили Эйрикссон и его спутники. Многие отождествляют Хеллюланд с восточным выступом полуострова Лабрадор, Маркланд — с островом Ньюфаундленд, а Винланд — с землями современного штата Массачусетс. Другие же ограничивают протяженность путешествия северным выступом Ньюфаундленда, предполагают, что виноград был просто какими-то ягодами или сведения о нем были вставлены в сагу для объяснения названия «Винланд». Само же слово они производят от скандинавского «вин» — «богатый», «плодородный».

Современная наука официально признала Эйрикссона первооткрывателем Америки, а в Бостоне еще в 1887 г. ему был поставлен памятник.

Марко Поло (ок.1254 г. — 1324 г.)

И пред ним — зеленый снизу,
Голубой и синий сверху —
Мир встает огромной птицей...

Э. Багрицкий

...Если путешествия Марко Поло не создали постоянной связи с Дальним Востоком, они увенчались успехом другого рода: результатом их была самая удивительная на свете книга путешествий, когда-либо написанная, которая навсегда сохранила свою ценность.

Дж. Бейкер. «История географических открытий и исследований»

Крупнейший европейский путешественник до эпохи Великих географических открытий. Около 17 лет странствовал по землям Центральной Азии и Дальнему Востоку.

За беспримерное для своего времени по продолжительности и охвату территории путешествие, за точность наблюдений и выводов знаменитого венецианского путешественника

Марко Поло иногда называют «Геродотом средневековья». Его книга — первый непосредственный рассказ христианина об Индии и Китае — сыграла очень большую роль в истории географических открытий и на несколько столетий стала энциклопедией жизни народов Центральной Азии и Дальнего Востока.

По-видимому, Марко Поло родился в Венеции. Во всяком случае, его дед, Андреа Поло, жил здесь в приходе церкви Сан-Феличе. Однако известно, что род Поло, не отличавшийся особой знатностью, но достаточно богатый, происходил с о-ва Корчула в Далмации.

Видимо, стремление к странствиям было семейной чертой в семье Марко Поло. По торговым делам путешествовал дядя, Марко иль Веккио. Отец Никколо и другой дядя, Маттео, несколько лет прожили в Константинополе, где занимались торговлей, объездили земли от Черного моря до Волги и Бухары, в составе дипломатической миссии побывали во владениях монгольского хана Кублая.

В 1271 г., взяв с собой семнадцатилетнего Марко, братья Поло снова отправились в Азию в качестве купцов и посланников папы. Они везли письмо главы римской церкви к хану. Скорее всего, это путешествие стало бы одним из многих, затерявшихся в анналах истории, если бы не яркий

талант, наблюдательность и тяга к неизведанному у младшего члена экспедиции.

Венецианцы начали свое путешествие в Акре, откуда двинулись на север через Армению, обогнули северную оконечность оз. Ван и через Тебриз и Йезд достигли Ормуза, надеясь отправиться на восток морем. Но надежных кораблей в порту не оказалось, и путники повернули назад, чтобы проехать через Персию и Балх. Их дальнейший путь лежал через Памир на Кашгар, затем по городам, расположенным у подножья Куньлуня. За Яркендом и Хотаном они повернули на восток, прошли южнее оз. Лобнор и наконец достигли цели своего путешествия — Пекина. Но на этом их странствия не закончились. Здесь венецианцам было суждено прожить 17 лет. Братья Поло занялись торговлей, а Марко поступил на службу к хану Кублаю и много ездил по империи. Ему удалось познакомиться с частью Великой китайской равнины, пройти через современные провинции Шаньси и Сычуань, вплоть до далекой Юньнани и даже до Бирмы. Возможно, он побывал в северной области Индокитая, в бассейне Красной реки. Марко видел старую резиденцию монгольских ханов Каракорум, Индию и Тибет. Своим живым умом, сметливостью и способностью легко осваивать местные наречия молодой венецианец полюбился хану. В 1277 г. он

стал уполномоченным императорского совета, был послом правительства со специальными миссиями в Онънани и Яньчжоу. А в 1280 г. Марко назначили правителем города Янгтчу и еще двадцати семи городов, ему подчиненных. На этом посту Поло пробыл три года.

В конце концов жизнь на чужбине стала тяготить венецианцев. Однако хан обижался на любую просьбу Марко отпустить его домой. Тогда Поло решились на хитрость. В 1292 г. им, включая Марко, было доверено сопровождать дочь Кублай-хана, Когатру, к ее жениху, князю Аргуну, царствовавшему в Персии. Хан приказал снарядить целый флот из четырнадцати кораблей и снабдил экипажи запасами на два года. Это был удобный случай для того, чтобы, выполнив поручение, вернуться в Венецию.

Во время этого путешествия Поло смог увидеть острова Малайского архипелага, Цейлон, индийское побережье, Аравию, Мадагаскар, Занзибар, Абиссинию. Плавание закончилось в уже знакомом ему Ормузе. При этом маршрут путешествия не всегда диктовался соображениями выбора кратчайшего пути. Желание увидеть новые страны заставило Марко отклониться более чем на

1,5 тыс. миль ³ в сторону для изучения африканского побережья.

В результате плавание продолжалось 18 месяцев, и когда флотилия прибыла в Персию, Аргун успел умереть. Оставив Когатру на попечение его сына Гассана, венецианцы отправились на родину через Трапезунд и Константинополь.

В 1295 г., после двадцатичетырехлетнего отсутствия семья Поло вернулась в Венецию. Путешественников не узнали даже близкие родственники, занявшие к тому времени дом Никколо. Их уже давно считали погибшими. Спустя несколько дней на пиру, куда Поло пригласил самых знатных горожан Венеции, Марко, Никколо и Маттео на глазах у присутствующих распорол свои татарские одежды, превратившиеся в рубище, и высыпали груды драгоценных камней. Ничего другого из путешествия Поло не вывезли. В Трапезунде дорогие шелка, запасенные в Китае, были конфискованы. Да и история с драгоценностями, возможно, является легендой. Во всяком случае, в золоте они не купались. Прозвище «Миллионщик»,

³ *Миля* — мера расстояния: английская — 1609 м, морская — 1852 м.

которым окрестили Марко сограждане, скорее всего связано с тем, что во время рассказов о своих приключениях он часто повторял это слово применительно к богатствам восточных правителей.

В 1296 г. между Венецианской республикой и Генуей вспыхнула война. В морском бою командовавший одним из кораблей Марко был тяжело ранен, захвачен в плен и заключен в тюрьму. Здесь он встретил такого же пленного, пизанца Рустичиано, которому продиктовал свои воспоминания, принесшие ему бессмертие. После освобождения из плена в 1299 г. Поло спокойно прожил до 1324 г. в Венеции и умер 8 января в возрасте семидесяти лет. В конце жизни он вел торговые дела в городе. После возвращения Марко женился на Донате Бадозер из богатой и знатной семьи. У них родились три дочери — Фантина, Беллела и Моретта. По завещанию и жене, и дочерям были отказаны более чем скромные суммы.

Воспоминаниям Марко Поло, записанным Рустичиано на французском языке и названным им «Книга сира Марко Поло относительно царств и чудес Востока», суждено было пережить века. В них путешественник предстает не столько купцом или ханским чиновником, сколько человеком, который страстно увлечен романтикой

путешествий, многоцветием мира, разнообразием впечатлений. Возможно, такой она стала благодаря Рустичиано, стремившемуся создать сказку о чудесах Востока. Но скорее всего за этим стоит все-таки Поло. Иначе у рассказчика просто не было бы материала. Да и судьба самого путешественника, за морем не обретшего богатства, делает его похожим не на торговца, жаждущего наживы, а на Афанасия Никитина — тоже купца, ушедшего в путешествие «за три моря» и привезшего оттуда только книгу.

Рукопись читали с интересом. Довольно скоро она была переведена на латинский и другие европейские языки и после распространения книгопечатания переиздавалась бесчисленное множество раз (первое печатное издание появилось в 1477 г.). Вплоть до второй половины XVII в. книга использовалась как пособие для установления торговых путей в Индию, Китай и Центральную Азию. Особенно большую роль она приобрела в эпоху Великих географических открытий, став настольной книгой Генриха Мореплавателя, Васко да Гамы, Колумба, Магеллана и всех, кто стремился найти морской путь в Индию и на Дальний Восток.

С огромным интересом читаются воспоминания и сейчас. На русском языке они изданы в нескольких переводах. Одним из лучших

считается перевод профессора И. П. Минаева, впервые изданный в 1940 г.

К сожалению, при жизни путешественника венецианцы подвергали его рассказы сомнению, считая их вымыслом. В этом смысле он разделил судьбу других замечательных путешественников, например Пифея и Ибн Баттуты. Книга, в которую Рустичиано, стремясь сделать ее занимательной, поместил не только непосредственные наблюдения рассказчика, но и легенды, а также рассказы о странах, которых Поло не видел, только усугубила ситуацию. Слухи, домыслы, недоброжелательство, несмотря на очевидные факты, благополучно дожили до наших дней и, попав на благоприятную почву стремления к сенсациям, расцвели пышным цветом.

Не так давно на Западе вышла книга историка Фрэнсиса Вуда под красноречивым названием «Бывал ли Марко Поло в Китае?». В своем труде он ставит это под сомнение. В 1999 г. легковерные поклонники Интернета пошли еще дальше. Они организовали дискуссию, чтобы определить степень достоверности сведений, содержащихся в воспоминаниях Поло. Участники виртуально, на экране компьютера, повторили его маршрут протяженностью свыше 3,5 тыс. км. На каждом этапе они знакомились с документальными историческими и географическими данными о

местности, сопоставляли их и даже проголосовали, чтобы выяснить коллегиальное мнение. Большинство пришло к выводу, что Поло в Китае на самом деле не был. Если же, по их мнению, он и посетил Поднебесную империю, то на очень короткое время. Без ответа, правда, остался вопрос, где же он провел эти 17 лет.

Но не только книга воспоминаний хранит память о путешествии Марко Поло. Он был человеком настолько незаурядным, что в Китае был удостоен даже чего-то, похожего на религиозное почитание. В Европе это стало известно только в начале XX в. В Итальянском географическом обществе хранится письмо одного из его членов, датированное 12 апреля 1910 г. Он пишет, что в 1902 г. в Кантоне, в храме Пятисот Будд в длинном ряду статуй он увидел одну с энергичными чертами лица явно немонгольского типа. Ему сказали, что это статуя Марко Поло. Вряд ли случайный торговец, мимоходом посетивший страну, был бы удостоен такого внимания.

Великая эпоха великих открытий

Новый Свет и многое другое XV–XVI вв.

...наступят дни, ...океан разрушит оковы вещей,
и огромная явится взорам земля,
и новое Тифис⁴ откроется море,
и Фуле не будет пределом земли.

Сенека. «Медея»

Вторая половина XV в. стала кульминационным моментом в развитии географических представлений о Земле. Именно с нее начался период, известный как эпоха Великих географических открытий, захвативший первую половину следующего столетия и наложивший отпечаток на характер географических изысканий вплоть до начала XVII в.

Отправной точкой этой блестящей, жестокой, детски наивной эпохи стало открытие в 1492 г. Америки. Но этому событию предшествовали

⁴ *Тифис* — кормчий легендарного корабля «Арго», на котором аргонавты плавали в Колхиду.

долгие подспудные, начавшиеся еще в последние десятилетия XIV в. процессы. Они характеризовались качественно новым отношением к поискам новых земель со стороны государств и отразились на особенностях путешествий, открытий и открывателей.

Путешественник XV–XVI вв. — это не купец, на свой страх и риск отправившийся в дальние страны с товаром или за товаром. Это не паломник, идущий к святым местам, и не посол, отправленный с письмом одного владыки к другому, а попутно и для сбора сведений о других государствах. Впрочем, были и такие — в странах, которые не имели выхода к морю. В отличие от открывателей новой эпохи все эти путешественники не ставили целью открытия. Они совершали путешествия в уже известные, хотя бы понаслышке, страны и привозили оттуда собранные попутно сведения.

В период Великих географических открытий доминировали совсем другие фигуры — те, кто по приказу или по договору с королем отправлялись в неведомые воды и земли. Они тоже не стремились к получению чисто географических сведений. Люди, совершавшие открытия, пускались в путь, чтобы открыть дорогу сначала для торговли в обход других стран, потом — для завоевания, ограбления и колонизации. А эти цели были тесно связаны с целым рядом обстоятельств, существование

которых круто изменило судьбу Европы и всего мира.

В XV в. поездки в Азию европейцам было осуществить куда сложнее, чем во времена Марко Поло. Родина знаменитого путешественника прочно завладела монополией на торговлю с Востоком, а сухопутные пути преградил неприступный бастион исламских земель, куда христианам проникнуть было почти невозможно. Но именно там, на Востоке, в сказочно богатой Индии и на близлежащих островах росли вожаделенные пряности.

Такие привычные сейчас перец, гвоздика, имбирь, корица, ваниль ценились в Европе того времени буквально на вес золота. Они были самым выгодным товаром, так как при малом весе имели огромную стоимость, и цена их постоянно росла. Но путь пряностей в Европу был невероятно долг, труден и опасен.

Собранные на островах Малайского архипелага, они шли до европейского потребителя два года и с каждым шагом повышались в цене. Сначала драгоценные порошки попадали в Сингапур, затем доставлялись в Ормуз или Аден, а потом — в Египет. На всем пути корабли подстерегали тайфуны и пираты, а в каждом порту взимали пошлину. Из Египта пряности везли по суше, древним караванным путем через Бассору,

Багдад, Дамаск в Бейрут и Трапезунд или через Джедду в Каир. Здесь за ними охотились пираты пустыни — бедуины, а песчаные смерчи грозили гибелью на каждом участке пути. И опять подати... А в конечном пункте, Александрии, пряности поджидал флот царицы Адриатики — Венеции, целиком присвоившей себе монополию на торговлю ими. Венецианские корабли везли драгоценный товар в Риальто на аукцион, куда за ним приезжали немецкие, фламандские и английские маклеры. И лишь после этого, пройдя еще долгий путь по Европе, пряные порошки попадали наконец к продавцам и покупателям. Так что недаром пряности взвешивали на аптекарских весах при закрытых окнах, чтобы пылинки, не дай бог, не рассеялись.

Положение, столь невыгодное для всей Европы, исключая, конечно, Венецию, не могло сохраняться до бесконечности. На начальном этапе переломить ситуацию сумела Португалия. Она стала первой страной, ставшей на путь осознанной политики географических открытий. Победа в борьбе с маврами высвободила ее силы для решения других, сугубо экономических задач.

Пряности были ключом к благополучию. Но Португалия имела только один выход — в Атлантический океан. Путь через Гибралтар в море, давно поделенное средиземноморскими странами,

был бесперспективен. Путь по суше — абсолютно нереален. И хотя Атлантика сулила сотни действительных и мнимых опасностей, порожденных географическими представлениями того времени, но давала и надежду. А вдруг, как говорят некоторые карты, Африку можно обойти с юга и попасть в океан, а потом к Островам пряностей и берегам Индии? И Португалия начала интенсивную работу по изучению возможностей, определению маршрутов, а потом приступила к организации экспедиций.

Здесь создается секретный архив, скрупулезно собираются карты и рукописи. Сюда приглашаются самые известные картографы Европы для составления новейших карт. В Англии заказываются самые лучшие навигационные инструменты. Каждый капитан, побывавший в плавании, должен явиться к принцу Генриху Мореплавателю и доложить о своем путешествии. В короткое время вместо утлых рыбачьих лодок, на которых плавали португальцы, создаются устойчивые корабли водоизмещением в 80—100 т, способные совершать дальние плавания. Наконец, начинается подготовка первой экспедиции вдоль западного побережья Африки. Но смельчаков, согласных обойти мыс Нон («Дальше нет пути»), за которым, как думали тогда, от солнечного зноя море кипит и клокочет, паруса загораются, а люди

превращаются в негров, не находится. Только после того, как папа пообещал каждому участнику экспедиции полное отпущение грехов, удается собрать команду. Капитаном становится Жил Эанниш, который в 1434 г. обогнул страшный мыс и из Гвинеи сообщил, что «плыть под парусом здесь так же легко, как и у нас дома». Теперь путешествия совершаются одно за другим. И все дальше и дальше к югу уходят корабли, пока наконец Васко да Гама не добирается до Индии. Но уже задолго до этого Португалия из незаметного третьесортного государства превратилась во владычицу морей, а позже уничтожила монополию Венеции, заняв ее место в системе европейской торговли. Папы Николай V и Каликст III предоставляют ей право владеть землями, открытыми к югу и востоку от мыса Бохадор «вплоть до индийцев».

Португальское «чудо» не осталось незамеченным. Мор-ская держава Испания решила пойти по стопам соседки. Этому способствовало объединение Кастилии и Арагона в результате брака между Изабеллой (Хуаной) Кастильской и наследником арагонского престола Фердинандом (Фернандо). Под ударами единого государства не устоял Гранадский Эмират — последнее мусульманское государство на Пиренеях. В 1492 г. пала Гранада, чем закончилась многовековая

Реконкиста — отвоевание исконных испанских земель у мавров. Испанское дворянство осталось не у дел. Тысячи идалго, привыкших только воевать и презиравших всякий другой труд, заносчивых и воинственных, представляли серьезную угрозу и для королевской власти, и для зажиточных горожан, и для государства. Конкиста — завоевание Нового Света — явилась идеальным применением нерастраченной энергии и жажды обогащения конкистадоров, как принято называть завоевателей Америки.

Была и другая, куда более важная причина, толкавшая Испанию, да и другие страны, на поиски новых земель. К середине века всеобщим средством обмена стали деньги. Резко увеличилась потребность в драгоценных металлах, а месторождений почти не было, да и торговля пряностями перекачивала те небольшие запасы, которые имелись, на Восток — туда, где, по мнению европейцев, богатств было и так более чем достаточно. Вот Испания и поддержала план поисков нового пути в Индию через океан, предложенный Колумбом.

Для Португалии его открытие, так опрометчиво упущенное Жуаном II, грянуло как гром среди ясного неба. Только вмешательство папы Александра VI Борджиа предотвратило столкновение между двумя соседями, так как

Португалия сочла нарушенным свое право, дарованное предыдущими папами. А здравствующий глава Римской церкви своей буллой *Inter cetera* («Между прочим») в 1493 г. разделил мир пополам. Западные земли, открытые и не открытые, отдавались Испании, а восточные — Португалии. Интересы других стран просто не принимались во внимание.

Испанские властители приобрели огромную выгоду от конкисты, поставив ее на коммерческую основу. С самого начала завоевательная политика была взята под жесткий контроль королевской четы. Каждый конкистадор, пожелавший принять участие в завоевании, должен был заключить с королем капитуляцию — контракт, который давал право на завоевание и заселение какой-либо конкретной части Западных Индий, как тогда называли американские земли, а также на организацию экспедиции, набор участников и наем кораблей. Все это оплачивал сам конкистадор, включая оружие, запасы фуража и провианта.

Чтобы как-то компенсировать эти затраты и не отпугивать желающих, завоеватели назначались губернаторами (наместниками), генерал-капитанами завоеванных земель с окладом, определявшимся из доходов той области, которую еще предстояло завоевать. Заключивший договор мог и не осуществить свой проект. Тысячи

конкистадоров остались непогребенными в страшных дебрях сельвы — тропических лесов Амазонии, в ущельях Кордильер, погибали от голода и стрел индейцев, от укусов змей и насекомых. При таком исходе корона ничего не теряла, но в случае успеха доходы ее были колоссальны. Это достигалось системой драконовских мер. С каждого отряда взималась знаменитая кинта — пятая часть от любой добычи, будь то золото, рабы, жемчуг или драгоценные камни. Если украшения находили в могилах, то королевская часть увеличивалась до половины. Из украшений, снятых с тел убитых индейцев, одно отдавалось в пользу короны. За тем, чтобы ничто не прошло мимо королевской казны, следили специальные чиновники. Конкистадоры подвергались преследованиям за утаивание или уменьшение кинты, многие были казнены. В Испанию сыпались доносы. Для контроля и разбора спорных дел был создан Совет Индий, по горло заваленный работой по расследованию тяжб между конкистадорами, в том числе португальцами и немцами. И несмотря на это, желающих были сотни тысяч. Продавались имения, закладывались семейные реликвии, пустели города и селения. «Севилия оставлена на попечение одних только женщин», — сообщал в письме на родину венецианский посол Андреа Наваджеро в 1525 г.

Подсчитано, что с 1500 по 1571 г. в Новый Свет переправилось 150 тыс. человек.

Но, видимо, в представлении нищих идальго, да и их менее знатных сограждан, игра стоила свеч. Те, кто оставался жив, получали то, что не могли приобрести на родине, — золото, землю, власть. Подсчитано, что с 1503 по 1660 г. только испанцы вывезли из американских колоний 181 тонну золота и 17 тысяч тонн серебра.

Характерной чертой эпохи Великих географических открытий, особенно в XVI в., стали поиски различных мифических островов, государств или городов. Наиболее известными были легенды о богатых островах Антиль и Бразил, якобы лежащих где-то на западе в Тихом океане, о государстве «короля-священника Иоанна» («пресвитера Иоанна»), стране Эльдорадо и «семи городах Сиволы». Все они сыграли значительную роль в географических изысканиях, поскольку вместо них открывались новые земли.

Одной из известнейших, особенно в начале XVI в., была созданная еще в XIII столетии легенда о «пресвитере Иоанне». Слух о царе-священнике дошел даже до Руси, где его звали «царь-поп-Иван». Содержание ее сводилось к следующему: после того как в 1291 г. последняя христианская крепость Птолемаида подпала под власть турок и вся Палестина сделалась

мусульманской, некий пресвитер Иоанн, собрав несколько тысяч христиан, ушел в глубь Азии, а там основал христианское царство. Легенда эта имела под собой реальную основу, так как и в Азии, и в Африке были значительные группы христиан и даже правители, принявшие крещение (у кара-китаев и эфиопов). Государство же это разыскивали главным образом португальцы для того, чтобы объединить усилия для борьбы с мусульманами.

В наши дни более известна легенда об Эльдорадо («Золотом человеке»). Ее искаженную многими наслоениями суть лучше всех передал последний искатель страны золота Уолтер Рэли: «...В дни торжественных праздников, когда император пьет со своими вассалами и губернаторами, соблюдается такой обычай: все пьющие за его здоровье сперва раздеваются донага и смазывают тела белым бальзамом. Особые служители императора, превратив золото в мелкий порошок, выдувают его через полый тростник на их умащенные тела, пока все они не засияют с ног до головы, и так они сидят десятками и сотнями и пьют, и проводят в пьянстве иногда по шесть или семь дней подряд...» Несравненный фантазер Уолтер Рэли, ослепленный золотыми призраками, забыл добавить об обряде омовения, который совершал Эльдорадо в водах священного озера.

Этот обряд очень редко, во время смены правителей, действительно практиковался у индейцев-муисков — коренных жителей нынешней Колумбии. Воспаленное же воображение испанцев дорисовало еще и дно озера, выстланное золотыми пластинками, и груды драгоценностей в глубине, и ежедневные омовения царя-жреца и его свиты.

Семь городов Сиволы (Сиболы) несколько напоминают легенду о «пресвитере Иоанне». По преданию, семь христианских епископов ушли в центр американского материка и основали там семь богатых городов, главным из которых была Сивола.

Во всех этих легендах (кроме «короля-священника») главное место отводилось золоту, доведшему до безумия даже Колумба, никогда не видевшего его в таком количестве, в котором созерцали драгоценный металл Кортес и Писарро. Однако в письме королям, горячем и безумном, он писал: «Золото — это совершенство. Тот, кто им владеет, имеет все, что пожелает. С помощью золота открываются врата небесные для души».

В конечном же итоге именно золото, этот источник могущества Испании, со временем превратилось в причину ее упадка. Пока она грабила золотые запасы Америки, не думая о развитии торговли и промышленности, Голландия и Англия, еще не осознавая важности своих шагов,

готовились к перехвату инициативы в европейской колониальной экспансии, начало которой пришлось на вторую половину XVI в. А в XV в. они сделали первые шаги, начав поиски северо-западного прохода и организовав «Московскую торговую компанию», которая начала финансировать экспедиции в северные воды.

В поисках Индии XV в.

Генрих Мореплаватель (1394 г. — 1460 г.)

...он стремился узнать земли, лежащие за Канарскими островами и за мысом, называемым Бохадор, ибо до тех пор никто — ни по письменным источникам, ни по людской памяти — ничего наверно не знал о лежащей за этим мысом земле.

Гомеш Эанниш де Азурара. «Описание путешествий вокруг мыса Бохадор»

Португальский принц, организатор морских экспедиций к северо-западным берегам Африки. Положил начало португальской экспансии на этот материк, открывшей путь в Индию. Герцог Визеу. Правитель Альгарви. Магистр ордена Христа ⁵.

⁵ Орден Христа был основан в 1319 г. королем Дикением с целью получения имущества тамплиеров, когда их орден был

Одной из самых значительных фигур предначальной поры эпохи Великих географических открытий по праву можно считать португальского принца Энрике, вошедшего в историю под именем Генриха Мореплавателя.

упразднен папой Климентом V. Генрих Мореплаватель использовал орден Христа для усиления морского могущества Португалии путем исследовательской и колонизаторской деятельности.

Такое прозвище, данное человеку, никогда не совершившему ни одного морского путешествия, вряд ли можно было бы считать заслуженным, если бы не уникальный вклад его в развитие морских исследований, результатом которых стало открытие всего северо-западного побережья Африки и выход Португалии на передовые рубежи колониальной экспансии за счет географических открытий.

Очевидно, именно благодаря его усилиям Португалия первой из европейских стран целенаправленно осуществляла морские экспедиции для установления торговых связей с африканскими и азиатскими странами, а также для поисков новых путей в Индию, где в изобилии произрастали пряности, популярные в Европе и приносившие огромные барыши.

Третий сын португальского короля Жуана Великого и Филиппы Ланкастерской родился 4 марта 1394 г. Еще мальчиком он слышал рассказы и предания о войнах с маврами и таинственной Африке. В то время европейцам была известна лишь ее северная часть, но и этого было достаточно, чтобы у принца появился огромный интерес к землям, лежащим к югу от Европы.

В 1415 г. юноша принял участие в осаде марокканской крепости Сеута, где проявил незаурядную храбрость. С горсткой людей он дважды разгонял толпы заседавших мусульман и в

конце концов сумел овладеть воротами внутренней стены между нижним городом и цитаделью. Король решил, что за проявленную доблесть Энрике первым из его сыновей будет посвящен в рыцари. Но принц попросил, чтобы «те, кто больше его по летам, могли воспользоваться своим правом быть первыми также и в почести». В результате все принцы получили рыцарское звание в порядке рождения. В руках они держали мечи, которые королева вручила им на смертном одре, провожая сыновей на битву.

Перед Энрике открывались возможности легкой и приятной жизни при дворе любого из европейских государей, где он проводил бы время среди удовольствий в толпе бесчисленных поклонниц. Так поступил его брат Педро, позже получивший прозвище Путешественник, хотя все его путешествия в основном ограничивались королевскими дворами. Однако Энрике предпочел вести жизнь ученого и организатора путешествий на благо Португалии.

Отчетливо понимая значение научных знаний, на мысе Сагреш (совр. Сан-Висенти) в провинции Альгарви, крайней юго-западной точке Португалии и всей Европы, принц построил дворец. Вскоре вокруг него вырос целый город, в честь инфанта Энрике получивший название «Вила-ду-Инфанти». Трудями принца Педро, собиравшего для брата

книги о путешествиях и карты по всей Европе, здесь была создана библиотека. С помощью итальянцев — лучших мореходов того времени — принц устроил астрономическую обсерваторию, а также первую в мире школу мореплавания и морской арсенал. Сюда пригласил он ученых астрономов, навигаторов, знатоков навигационных приборов. Здесь составлялись самые точные по тому времени карты.

На Сагреше Энрике прожил сорок лет, до самой смерти, и за это время только дважды отвлекался на решение политических проблем Португалии, хотя пользовался репутацией судьи по национальным спорам, народного вождя и учителя. Все свое время он посвящал исследованиям. Сам чертил карты, изготовлял приборы, снаряжал корабли, получал отчеты капитанов.

Характеризуя личные качества португальского принца, следует подчеркнуть трудности, с которыми ему пришлось сталкиваться как организатору экспедиций в неизведанное.

В то время считалось, что западное побережье Африки недоступно для исследователей: предполагалось, что границей известного мира являются мысы Нон («Нет» — «Дальше нет пути») или Бохадор («Выпуклый») и что они якобы охраняются морскими течениями и ветрами, которые непременно отнесут корабли далеко от

берега в «Море зеленого мрака», откуда нет возврата. Непригодной для жизни считалась и тропическая зона, где солнце сжигает все живое, а люди при приближении к этому поясу чернеют или умирают от жара.

Несмотря на это Энрике всячески поощрял исследователей на преодоление мнимых и действительных препятствий и достиг в этом значительных результатов, действуя в самый сложный первоначальный период португальской экспансии, которой страна была обязана именно ему.

Борьба христианских государств Пиренейского полуострова с маврами, очевидно, повлияла на стратегию и тактику действий принца. Будучи по решению папы с 1420 г. гротсмейстером (магистром) ордена Христа, боровшегося с мавританским влиянием и распространением христианства, он первоначально стремился наладить связи с государством «короля-священника Иоанна», чтобы объединить усилия в борьбе с исламом. По тогдашним представлениям, искать его следовало в «Африканской Индии» — Эфиопии. Кроме того, во время войны с маврами в 1415 г. принц в Марокко собрал некоторые сведения о Внутренней Африке, в том числе и о торговле золотом между жителями Гвинейского берега и арабами. Победа португальцев в борьбе за

золото сулила очевидные выгоды. По представлению Энрике, за Золотым берегом лежал путь в Индию, где Португалия могла приобрести огромные владения. Таким образом, Африка стала местом, которое Энрике предполагал исследовать в первую очередь.

В 1412 или 1416 г. была отправлена первая экспедиция, обследовавшая западное побережье Марокко. Корабли достигли мыса Бохадор, но вернулись, напуганные непостоянством течений, ветров и мелями, считая все это кознями демонов бури. Однако в 1434 г. посланный принцем Жил Эанниш преодолел страшный мыс и вернулся с известием о том, что за ним плавание возможно. В подарок принцу он привез розы, служившие доказательством того, что страна за мысом не лишена растительности. В следующие два года виночерпий Энрике, Балдайа, продвинулся еще на 290 миль к югу.

Однако в 1437 г. путешествия были прерваны войной против Танжера. Энрике возглавил португальское войско, но, несмотря на проявленную доблесть, так и не смог взять хорошо укрепленный город. Более того, в руках у мавров в качестве заложника остался младший брат принца, Фернандо. Противник требовал в обмен на его свободу возвратить г. Сеуту. Энрике сам хотел остаться у мавров, но войско, видевшее в нем

единственную опору, воспротивилось, и принц скрепя сердце был вынужден отступить. Все его дальнейшие попытки освободить брата ни к чему не привели. Португальцы не могли позволить себе потерю Сеуты и предпочли поступиться принцем. Фернандо умер в плену в 1443 г.

Наконец дела в государстве позволили Энрике вернуться на Сагреш. В 1441 г. плавания были возобновлены и с этих пор совершались регулярно. Их результатом стало исследование всего северо-западного побережья Африки, в том числе открытие устья Сенегала и Зеленого Мыса, ставшее величайшей неожиданностью того времени. Считалось, что по обе стороны от экватора из-за высокой температуры растительности быть не может. Поэтому скудная растительность мыса, выгодно выделявшаяся на фоне пустынь, пробудила надежду на близость южной оконечности континента. С удвоенной энергией ринулись капитаны, направляемые принцем, на ее поиски. Однако Энрике не суждено было дожидаться этого открытия. Он умер 13 ноября 1460 г. в созданном им дворце на Сагреше и был похоронен в монастыре Св. Марии да-Баталья.

В истории цивилизации Генрих Мореплаватель известен и с негативной точки зрения. В 1442 г. он одобрил действия Антана Гонсалвиша, впервые привезшего с Рио-де-Оро

рабов-негров, и тем самым стал инициатором работоторговли. Впрочем, и здесь он руководствовался благородными побуждениями, считая, что негров следует привозить в Португалию лишь на время, для обращения в христианство, а затем возвращать на родину. Тем не менее результаты этих соображений бросили тень на его имя, но позволили Португалии приобрести дарованное папой Евгением IV право на языческие земли, открытые при путешествиях за мыс Бохадор, включая Индию. В большой степени это, а также открытие месторождения золота на африканском побережье способствовало оживлению морских плаваний португальцев в XV в.

В год смерти Энрике до путешествия Бартоломео Диаса, обогнувшего Африку с юга в 1488 г., оставалось почти тридцать лет. Но и оно, и открытие морского пути в Индию Васко да Гамой, давшее мощный импульс для освоения планеты, были бы невозможны без огромного труда Генриха Мореплавателя, чей ум и воля гнали португальских капитанов все дальше и дальше на юг к неизведанным берегам.

В Португалии свято хранят память о принце. Еще в XVIII в. у ворот его крепости-дворца на Сагреше был воздвигнут мраморный памятник с изображением португальского герба, идущей на всех парусах каравеллы и земного шара с

надписью: «Aeternum sacrum» («Навеки священный»).

Христофор Колумб (Кристобаль Колон) (1451 г. — 1506 г.)

A Castilla y Aragon
Otro mundo die Colono
(Кастилии и Арагонии [Арагону]
Колон [Колумб], дал Новый Свет)

Надпись на могиле Колумба

За тридцать три дня я прошел от Канарских островов к Индиям с флотилией, предоставленной мне нашими государями... и там я открыл много островов и людей на них без счету...

Из письма Х. Колумба испанской королевской чете Фердинанду и Изабелле

Знаменитый мореплаватель, совершивший официальное открытие Америки. Осуществил первое плавание через Атлантический океан в Южное полушарие до берегов Центральной Америки. Открыл Саргассово и Карибское моря, Багамские, Большие Антильские и Малые Антильские острова, часть побережья Южной и

Центральной Америк. Основал первую колонию в Новом Свете на Гаити и г. Сан-Доминго.

Ключевой фигурой эпохи великих географических открытий, безусловно, является Христофор Колумб, и вполне естественно, что именно он в первую очередь привлекал внимание историков-географов буквально с первых дней,

последовавших после его открытий. Казалось бы, все, связанное с жизнью и деятельностью этого человека, должно быть уже давно известно и оценено по достоинству. Тем не менее спорны почти все факты, относящиеся к его юности и пребыванию в Португалии. По-разному оценивается и его вклад в дело географических открытий. Доходит до полярно противоположных мнений, а некоторые исследователи даже утверждают, что большая часть традиционных рассказов о нем — просто выдумка и их нельзя принимать во внимание.

Все же большинство сходится на том, что родился Колумб в Генуе в 1451 г. в бедной католической семье. Отец его был ткачом-суконщиком. Первоначально сын пошел по стопам отца, так как тоже в ранней молодости состоял в цехе шерстянщиков. Где Колумб получил образование, неизвестно, но доказано, что он читал на итальянском, испанском, португальском и латинском языках. Есть документы, подтверждающие, что первые путешествия будущий открыватель совершил еще в Генуе в 1474 и 1475 гг., приняв участие в торговых экспедициях на о. Хиос в Эгейском море.

В мае 1476 г. Колумб в качестве приказчика торгового генуэзского дома переехал в Португалию, где в общей сложности прожил девять

лет. Кроме того, по его утверждению, он побывал в Англии и Гвинее.

Мир путешествий, очевидно, увлек его, а умение читать, думать и анализировать позволило, как утверждает ряд биографов, сделать выводы о возможности попасть в Индию, следуя на запад, и составить проект путешествия. Предполагают, что он пользовался большим количеством карт и документов, но прежде всего основывался на труде французского клирика и космографа Пьера д'Айи, картах Тосканелли и письмах, которые итальянский ученый направил Колумбу, когда тот попросил у него совета. Известно, что впоследствии, во время плаваний через Атлантику, Колумб брал с собой и книгу Марко Поло, в которой стремился почерпнуть сведения об Азии для сравнения с увиденным.

Проект вначале был представлен королю Португалии Жуану II, который отверг его, уверенный после путешествия Диего Кана, что путь в Индию и так вот-вот будет найден. Не понравились королю и требования генуэзца, оговаривавшего себе чрезмерные, по его мнению, привилегии.

В 1485 г. Колумб с малолетним сыном Диего отправился в Испанию. И здесь его проект тоже не сразу нашел понимание. Только после того, как в дело вмешались влиятельные представители

финансовых и купеческих кругов, королева Изабелла согласилась на организацию экспедиции и условия Колумба. В случае удачи он получал титулы адмирала, вице-короля и губернатора, жалованье по всем должностям, десятую долю дохода с новых земель и право разбора уголовных и гражданских дел.

Выделено было два корабля, а еще одно судно снарядили мореплаватели и судовладельцы братья Пинсоны. Экипаж флотилии насчитывал 90 человек. Названия кораблей — «Санта-Мария», «Нинья» («Детка») и «Пинта» — сейчас известны всему миру, а командовали ими: «Пинтой» — Мартин Алонсо Пинсон, а «Ниньей» — Винсенте Яньес Пинсон. «Санта-Мария» стала флагманским кораблем. На ней плыл сам Колумб.

Цель экспедиции сейчас оспаривают многие специалисты, приводя разные доводы в пользу того, что Колумб собирался искать совсем не Индию. Вместо нее называют разные легендарные острова вроде Бразила, Антилии и т. п. Все же большинство таких соображений выглядят недостаточно обоснованными.

3 августа 1492 г. флотилия вышла из гавани Палоса, добралась до Канарских островов и двинулась на запад, вскоре оказавшись в совершенно неведомых водах. В середине сентября заметили пучки водорослей, свидетельствовавшие о

близости земли, но при промерах дно не обнаружилось. Это было Саргассово море (огромное скопление водорослей посреди океана), и до первых островов было еще далеко. Команду тревожила необычная обстановка, и в начале октября начали выдвигаться требования о смене курса. Колумб, стремившийся на запад, вынужден был уступить. Корабли свернули на запад-юго-запад. Но обстановка продолжала накаляться, и командиру с величайшим трудом, уговорами и посулами удалось удержать флотилию от возвращения. А 12 октября 1492 г. матрос «Пинты» Родриго Триан увидел землю. Великое событие свершилось. Ни Колумб, ни его спутники еще не представляли себе всей важности происшедшего. Да и много лет спустя его современники еще не осознавали значения этого открытия, долгое время не дававшего вожделенных пряностей и золота. Его смогли оценить лишь следующие поколения. До самой Америки было еще далеко. На горизонте мореплаватели увидели лишь один из островов континента — Гуаныхани, и в этом путешествии никто из испанцев не ступил на материк. Тем не менее в наши дни именно 12 октября 1492 г. считается официальной датой открытия Америки, хотя доказано, что и до Колумба европейцы посещали земли Западного полушария.

Но вернемся к описанию экспедиции. Гуанакани, которому дали название Сан-Сальвадор — «Святой спаситель», был одним из группы Багамских островов. Это было первое открытие первой экспедиции Колумба. Следующими были острова Санта-Мария-де-Консепсьон, Фернандина и Изабелла, относящиеся к тому же архипелагу, затем о. Куба, о. Гаити, получивший название «Эспаньола» («Маленькая Испания»), и о. Тортуга («Черепашка»).

На открытых землях Колумб не нашел ничего, что напоминало бы Индию или другие азиатские страны. Здесь не было городов. И люди, и растения, и животные резко отличались от того, что можно было прочесть или услышать от путешественников об Азии. Но Колумб так свято верил в свою теорию, что был абсолютно уверен в открытии пусть не Индии, а какой-то бедной страны, но именно в Азии. Впрочем, иного ожидать от него не приходилось: ведь даже на самых лучших картах того времени не было и помину о материке на противоположной стороне Земного шара, а размеры Земли, хоть и вычисленные еще в античный период, средневековой Европе известны не были.

15 марта 1493 г. Колумб прибыл в Испанию. Он привез известие об открытых землях, немного золота, нескольких туземцев, невиданные растения,

плоды, птичьи перья, возможно, и листья табака, впервые обнаруженные мореплавателями еще на Гуаныхани. Результатом экспедиции стало также основание на Эспаньоле небольшой колонии из 39 человек, добровольно там оставшихся.

Отчет Колумба произвел впечатление. Найденное золото открывало заманчивые перспективы. Поэтому следующая экспедиция не заставила себя ждать. Уже 25 сентября в звании «главного адмирала океана» Колумб во главе флотилии из 17 судов отплыл на запад. В этот раз курс взяли южнее, чем в первом плавании, и открыли острова Доминика, Мария Галанте, Гваделупа, Антигуа, входящие в группу Малых Антильских островов, и Пуэрто-Рико, а 22 сентября снова высадились на Гаити, где все колонисты, виновные в грабежах и насилии, были уничтожены островитянами. К востоку от сожженного форта Колумб построил город, назвал его Изабеллой, исследовал остров и сообщил в Испанию о находке месторождения золота, сильно преувеличив его запасы. Кроме того, он просил прислать скот, съестные припасы и сельскохозяйственные орудия, обещая покрыть расходы рабами и обязуясь доставлять их в большом количестве.

В апреле 1494 г. Колумб покинул Эспаньолу, чтобы открыть наконец «материковую землю Индии», но обнаружил только о. Ямайку. Вскоре он

вернулся на Кубу, а затем на Эспаньолу. В колонии его ожидало много неприятностей. Самой существенной для него было нарушение королевского договора. Фердинанд и Изабелла, считая, что доход от Эспаньолы невелик, разрешили всем кастильским подданным переселяться на новые земли, если они будут вносить в казну две трети добытого золота. Кроме того, теперь каждый желающий имел право снаряжать корабли для новых открытий. В довершение всего, уступая недовольству колонистов губернатором, во многом справедливому, короли сместили его с должности и направили на Эспаньолу нового наместника.

11 июня 1496 г. Колумб отбыл в Испанию отстаивать свои права. При встрече с Их Величествами он добился своего и получил обещание на монополию для себя и сыновей на открытия, а чтобы «удешевить» содержание колонии, предложил населить Эспаньолу преступниками, сокращая им срок наказания, что и было сделано.

Несмотря на благоприятный исход аудиенции, третью экспедицию Колумбу удалось снарядить с большим трудом. «Индийских богатств» пока не предвиделось, поэтому и охотников финансировать предприятие, как и желающих отправиться в путь, не было. И все же 30 мая 1498 г. шесть небольших

кораблей с экипажем в 300 человек отплыли на запад. У о. Йерро флотилия разделилась. Три корабля направились к Эспаньоле, а остальные Колумб повел к островам Зеленого мыса с намерением достичь линии экватора и далее следовать к западу.

В этом плавании был открыт о. Тринидад и наконец-то состоялось открытие южноамериканского континента выше устья р. Ориноко. Правда, Колумб об этом не знал, но предположил, что массу пресной воды в заливе Пария может давать только мощная река, берущая начало на материке. Колумб утверждал, что она, скорее всего, течет из земного рая.

На Эспаньоле Колумба опять ждали неприятности. В 1499 г. король с королевой вновь отменили его монополию и отправили в колонию Франсиско Боазилью, чтобы тот на месте разобрался с потоком жалоб на губернатора. Боазилья пришел к выводу, что Колумб не может управлять страной, потому что он человек «жестокосердый», приказал его с братьями заковать в кандалы и отправил в Испанию. В метрополии сторонники Колумба начали кампанию в защиту «адмирала всех морей». Фердинанд и Изабелла приказали освободить его и выразили письмом сочувствие, но в правах не восстановили.

И все же униженному адмиралу удалось совершить еще одно, последнее путешествие, чтобы найти путь в Южную Азию к югу от Кубы. Оно началось 3 апреля 1502 г. Имея в своем распоряжении 4 корабля с экипажем в 150 человек, Колумб в этой экспедиции открыл о. Мартинику, затем у северного Гондураса — островок Бенака и обследовал часть материкового побережья от залива Москитос до мыса Тибурон протяженностью около 2 тыс. км. Когда стало ясно, что впереди, как сообщали индейцы, пролива нет, две каравеллы (остальные были брошены) свернули к Ямайке. Корабли были в таком состоянии, что на северном берегу острова 23 июня 1503 г. их пришлось посадить на мель, чтобы не затонули, а на Эспаньолу направить пирогу с тремя моряками с просьбой о помощи. Подмога пришла в июне 1504 г.

Удача совсем отвернулась от адмирала. От Ямайки до Эспаньолы он добирался целых полтора месяца. Бури трепали его корабль и по дороге в Испанию. Только 7 ноября тяжело больной Колумб увидел устье Гвадалквивира. Чуть оправившись, в мае 1505 г. он прибыл ко двору, чтобы возобновить свои претензии к короне. Рассмотрение дела затягивалось. 20 мая 1506 г. «адмирал океана» умер в Вальядолиде, так и не добившись от короля

определения размера причитавшихся ему доходов, прав и привилегий.

О роли Колумба в истории вообще и в истории развития географических представлений в частности можно рассуждать чрезвычайно много. Этому посвящено немало научных трактатов и популярных изданий, но основная суть, по-видимому, четко изложена историком-географом Дж. Бейкером: «...он умер, так, вероятно, до конца не представляя себе, что же он открыл. Имя его увековечено в ряде географических названий в Новом Свете, достижения его стали общим местом в учебниках истории. И если даже принять всерьез ту критику, какой были подвергнуты сам Колумб и его биографы, он все же навсегда останется центральной фигурой великой эпохи европейской «заокеанской экспансии» («История географических открытий и исследований»).

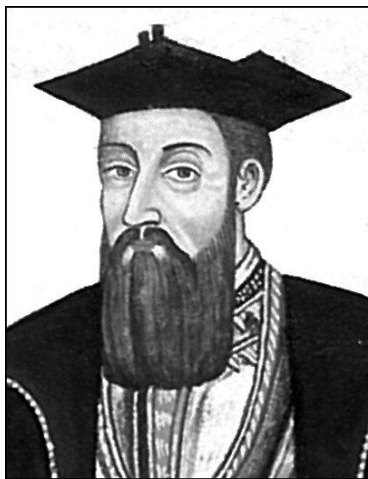
Дневники Колумба утрачены. Остался только так называемый «Дневник первого путешествия» в пересказе Бартоломе Лас Касаса. Он и другие документы того времени, относящиеся к открытиям великого путешественника, в русском переводе опубликованы в сборнике «Путешествия Христофора Колумба (Дневники, письма, документы)», вышедшем несколькими изданиями.

Васко да Гама (1469 г. — 1524 г.)

*И этот Васко да Гама был человеком
благоразумным, рассудительным в свете и
бесстрашным во всякого рода приключениях.*

Гашпар ди Корреа. «Сказания об Индии»

*Знаменитый португальский мореплаватель,
открывший европейцам морской путь в Индию.
Вице-король Индии. Граф Видигейры.*

**Знаменитый Васко да Гама, своими
плаваньями изменивший коренным образом**

политическую и экономическую ситуацию в Европе и Азии, родился в 1469 г. в маленьком приморском городке Синише в самой южной португальской провинции Алемтежу. Род Гама не отличался ни богатством, ни знатностью, но был достаточно древним, чтобы от поколения к поколению служить королям Португалии. Среди предков Васко числились доблестные воины и даже королевский знаменосец. Его отец, Иштеван да Гама, был алькайди (градоначальником) Синиша. А мать, Изабелла Судре, среди своих предков имела английских графов. Васко был их третьим сыном и имел двух старших братьев и сестру.

Несмотря на дворянское происхождение, дети Гама тесно общались с простонародьем. Товарищами их игр были сыновья рыбаков и матросов. Васко и его братья рано научились плавать, грести, умели управляться с рыбачьими сетями и парусом. Однако в Синише нельзя было получить хорошее образование, поэтому на учебу Васко отправили в Эвор, любимую резиденцию короля. Здесь он обучился математике и тонкостям навигации.

Известно, что в юности будущий открыватель морского пути в Индию участвовал в осаде марокканского города Танжера. Есть предположение, что он совершил несколько морских экспедиций вдоль африканских берегов.

Может быть, именно это заставило королевский двор обратить на него внимание. Возможно, были другие причины. Как бы то ни было, Васко оказался на службе у Жуана II и сумел быстро выдвинуться.

Хроники свидетельствуют, что еще в молодости юноша отличался твердым, решительным характером, изрядной долей вспыльчивости и властными повадками. Рассказывают, что однажды ночью охрана задержала его на улицах Сетубала. Лицо молодого человека прикрывал капюшон, и стражам порядка это показалось подозрительным. Они потребовали показать лицо. Гама отказался. Тогда стражники вызвали алькайди. Прибывшему чиновнику Васко заявил: «Я не преступник», а потом двинулся прочь, не обращая внимания на вооруженных стражников и их начальника. Как ни странно, те не посмели арестовать его.

В 1497 г. новый португальский король Мануэль I Счастливый решил продолжить дело предков и отправить экспедицию на поиски морского пути в Индию. Трудно сказать, почему королевский выбор пал на двадцативосьмилетнего провинциального фидальгу Гама. Ведь особых заслуг к тому времени за ним не числилось. Видно, так уж повелось при дворе португальских королей, что руководство морскими экспедициями, часто в обход капитанов, уже успешно руководивших

экспедициями в дальние страны, доверяли людям, не имевшим достаточного опыта. Однако можно с уверенностью утверждать, что Гама сумел-таки завоевать доверие короля. Иначе ему не поручили бы руководство экспедицией, на которую Мануэль возлагал очень большие надежды.

Хронисты того времени по-разному описывают то, каким образом будущий граф Видигейры получил назначение. Некоторые утверждают, что главой экспедиции вначале был назначен отец Гамы, но после его смерти поручение перешло к среднему сыну. Другие пишут, что ему пришлось заменить старшего брата Паулу, который отказался от командования, сославшись на слабое здоровье. Более привлекательной для большинства хронистов является версия о том, что король сразу остановил свой выбор на Васко, предложив ему взять одного из братьев в качестве капитана какого-нибудь из кораблей. Монарх будто бы остался очень доволен скромным поведением своего избранника, который пытался отказаться от командования в пользу брата, но в конце концов согласился. Довольный король якобы сказал: «Мое сердце говорит мне, что вы исполните мое поручение, поэтому распоряжайтесь всем по своему усмотрению, вам одному я даю все полномочия».

Молодой командующий занялся подготовкой к экспедиции. Он вникал в состояние кораблей,

качество оснастки, погрузку запасов. Самолично набирал Гама и команду. Капитаном одного из кораблей в соответствии с советом короля он выбрал своего любимого брата Паулу. Возможно, таким образом он спасал его от серьезных неприятностей. Паулу умудрился в ссоре серьезно ранить судью города Сетубал и скрывался от закона. Король простил его, но дал понять, что делает это только в расчете на верную службу со стороны Васко.

Вечером 7 июля 1497 г. Васко да Гама вместе с братом Паулу и офицерами прибыл в церковь Св. Марии Вифлеемской в пригороде Лиссабона, построенную еще Генрихом Мореплавателем. Здесь они исповедовались в грехах и причастились. Утром, вскоре после рассвета, перед церковью стала собираться толпа. Родственники мореплавателей, матросы, солдаты, женщины в черных платках оплакивали смельчаков, отправляющихся в дальнее и опасное плавание. По словам хрониста Барруша, плачущих во время отплытия было так много, что берег перед церковью можно было назвать «Берегом слез». Васко да Гама был тронут таким проявлением сочувствия и даже прослезился, но взял себя в руки и повел команду на прощальную мессу. После богослужения все направились к берегу, где их ждали лодки, чтобы отвезти на корабли. Впереди

шли священники. За ними в полном одиночестве, с высоко поднятой головой и сурово сжатыми губами шествовал Гама, держа в руке зажженную свечу. Вслед за командором, по два в ряд, шли, тоже со свечами, офицеры и матросы. На берегу все упали на колени. Прелат принял общую исповедь и даровал полное прощение грехов всем, кто сложит голову в путешествии. Команда погрузилась в лодки и отправилась на корабли. Над мачтой флагманского судна «Сан-Габриэль» взвился королевский флаг, застучали барабаны, заиграли волынки и бубны, тамбурины и флейты. Историческая экспедиция началась.

В распоряжении Гамы были все сведения, которые можно было извлечь из книг и морских карт того времени, лучшие навигационные приборы, а также опыт плавания нескольких поколений португальских капитанов вдоль западного африканского побережья, в том числе Бартоломеу Диаша, открывшего южную оконечность Африки. Кораблями командовали опытные мореходы — Гонсалу Альвариш, Перу д'Аленкор, Николау Коэлью, Жуан ди Коимбра и др. Кроме моряков, на борту кораблей находились солдаты, пушкари, трубачи, лекарь, канатчики, плотники, оружейники и т. п. В составе экспедиции было три переводчика. Мартин Аффонсу знал несколько диалектов племен банту. Фернан

Мартиниш говорил по-арабски. Жуан Нуниш, кроме арабского, понимал и еврейский язык.

Примечательно, что Гама, по свидетельству хронистов, попросил некоторое количество преступников, «чтобы рискнуть ими и оставить их в пустынных странах, где они, если выживут, могут оказаться ему полезными, когда он возвратится туда и вновь найдет их». Король удовлетворил просьбу и выделил десять или двенадцать человек, приговоренных к смертной казни. Имена и судьбы двоих из них известны. Жуан Машаду, приговоренный к повешению за убийство и немного знавший арабский, был высажен в Мозамбике и сумел добраться до Индии. Там он занимал различные ответственные посты, в том числе старшего алькайди Гоа. Его друг и соучастник Дамиан Родригиш, когда Жуана высадили на берег, решил последовать за ним и ночью спрыгнул с корабля. Однако до Индии не добрался, так как вскоре после соединения с Машаду заболел и умер.

Плавание началось спокойно. Корабли прошли через Канарские острова и острова Зеленого Мыса, а затем взяли курс на запад в Атлантический океан. Впервые в истории мореплавания Васко приказал отойти от побережья, чтобы использовать благоприятные ветры, и таким

образом открыл удобный путь к южной оконечности Африки.

Этот путь для командора флотилии был своеобразной проверкой способности к выполнению возложенной на него задачи. Ему пришлось иметь дело с неизвестными ветрами и течениями, неожиданными и свирепыми штормами. Гама благодаря находчивости, таланту руководителя и организатора сумел блестяще справиться с ситуацией и завоевать доверие и восхищение как офицеров, так и матросов. С последними он был справедлив и прост в обращении. Особенный восторг команды вызвал его поступок во время одной из высадок на берег. На празднике, который устроили в честь гостей туземцы, матросы начали танцевать. По примеру португальских королей с ними танцевал и Гама.

22 ноября флотилия обогнула мыс Доброй Надежды. Дальше предстояло плыть в неизведанных водах. 25 декабря мореплаватели вошли в бухту, названную ими в честь праздника Гаванью Рождества (совр. порт Наталь). Они двинулись дальше, преодолевая сильное течение. Только 23 января 1498 г. им удалось достичь устья реки Замбези, где экспедиция пробыла целый месяц, готовясь к плаванию по Индийскому океану. Нужно было починить корабли. Но самое главное, моряки начали болеть цингой — бичом всех

мореплавателей тех и более поздних времен. О том, насколько сложным было положение, можно судить по письму члена команды Филиппа Сасетти, который сообщил, что в один день заболели сразу 160 человек, что их десны и ноги распухали до чудовищных размеров. Матросы вынуждены были бритвами обрезать десны, «чтобы можно было открыть рот». Через несколько дней многие умерли, «угасая, словно лампада, в которой выгорело масло». Когда у туземцев были выменяны свежие продукты, страшная болезнь вскоре сама собой прекратилась.

Наконец флотилия, полностью готовая к плаванию, двинулась на северо-восток и 2 марта достигла острова Мозамбик. Здесь заканчивались земли «диких» племен и начинался богатый мир, контролируемый арабо-мусульманами. До прибытия португальцев в их руках была сосредоточена вся торговля в Индийском океане. Для общения с арабами нужны были недюжинные дипломатические способности, которыми Гама, увы, не обладал. Именно с этого времени начали проявляться его горячность, недостаток такта и рассудительности, бессмысленная жестокость.

Вначале шейх и жители Мозамбика отнеслись к португальцам терпимо. Они приняли их за мусульман, однако были недовольны подарками, которые прибывшему на корабль шейху попытался

вручить Васко. Это был никому не нужный хлам, а восточные правители привыкли к иному отношению. Вскоре стало известно, что люди с непривычных взорам арабов кораблей являются христианами. Напряжение росло, и 11 марта португальцы подверглись нападению. Атаку удалось отбить, но для решительного сражения у команды, значительно сократившейся после эпидемии цинги, не было сил. Пришлось спешно покинуть негостеприимный берег.

7 апреля путешественники прибыли в Момбасу, но вскоре, не заходя в гавань, вынуждены были покинуть и ее, узнав о намерении момбасского короля захватить корабли и взять команду в плен (сведения были получены от заложников, которых пытали кипящим маслом). В восьми милях от гавани взбешенные португальцы захватили барку, груженную золотом, серебром и съестными припасами.

14 апреля флот подошел к Мелинде, богатому мусульманскому городу. Местный шейх враждовал с правителем Мозамбика и был рад заключить союз с Гамой. В ответ на знаки внимания со стороны правителя португалец отослал ему воистину «царский дар»: монашескую рясу, две нитки кораллов, три шляпы, тазики для омовения рук, бубенчики и два куска дешевой полосатой материи. В другой ситуации шейх, возможно, не стерпел бы

такого неуважения, но сейчас он боялся непрощенных гостей и согласился дать искусного лоцмана, необходимого для дальнейшего плавания. Им стал Ахмед ибн Маджида, носивший арабско-санскритское прозвище Малемо Кана — «ведущий по звездам». С его помощью в середине мая 1498 г. экспедиция добралась до Малабарского берега. Корабли бросили якоря близ крупнейшего индийского города Каликут (Кожикоде). Долгожданный морской путь в Индию был разведан.

Местный правитель, саморин, заинтересованный в развитии торговли с любыми странами, в том числе и христианскими, принял посланца Гама радушно. Однако дальнейшее поведение командира португальцев накалило ситуацию.

28 мая Гама в сопровождении тридцати человек отправился на свидание с саморином. Португальцев поразила роскошная обстановка дворца, дорогие одежды царя и придворных. Тем не менее Васко, не ощущая разницы между племенными вождями Африки и саморином, собрался преподнести ему жалкие подарки: двенадцать кусков все той же полосатой грубой материи, несколько шапок и шляп, четыре нити из кораллов, тазики для мытья рук, ящик сахара, по два бочонка масла и меда. Увидев это, один из

царских сановников презрительно засмеялся и заявил, что даже бедные купцы преподносят саморину более дорогие подарки. Царя следует одарить золотом, а подобных предметов он просто не примет. Случившийся казус быстро стал известен и во дворце, и в городе. Этим сразу же воспользовались мусульманские купцы, которые видели в португальцах опасных конкурентов. Они настроили против гостей и так уже оскорбленного саморина, убедив его в том, что в Каликут прибыли жестокие, кровавые пираты, благо, до них уже дошли слухи о событиях в Мозамбике и захвате арабского судна. На следующий день правитель несколько часов продержал делегацию в приемной, а при свидании вел себя холодно. В результате Гаме не удалось получить разрешение на основание здесь португальской фактории. С трудом члены экспедиции обменяли товары на пряности. А 5 октября португальцы, захватив шесть заложников, чтобы показать их своему королю, покинули индийские воды. Уже знакомым путем к сентябрю 1499 г. они добрались до родного порта, потеряв два корабля и 105 из 160 человек команды. Среди умерших был и единственный горячо любимый Васко человек, его брат Паулу. Он скончался от чахотки. Герой индийского плавания чрезвычайно тяжело переживал эту потерю. Некоторые историки сообщают, что он в течение девяти дней в полном

одиночестве предавался скорби и не желал никого видеть.

К сожалению, многие документы, освещающие события после приезда Гамы в Португалию, погибли во время страшного лиссабонского землетрясения 1755 г. Но можно не сомневаться, что и король, и сограждане встретили путешественников с великим почетом и ликованием. В честь эпохального события была отчеканена золотая монета, получившая название «португеш», стоимостью в 10 крузаду.

Васко да Гама в одночасье превратился в национального героя, причем вполне заслуженно. Именно благодаря его воле, энергии и напористости экспедиция выполнила все возложенные на нее задачи и вернулась обратно. Команда любила, но и панически боялась неистового и жестокого предводителя. Его нахмуренные брови повергали в панику матросов, чьими действиями он был недоволен. А ведь это были отчаянные люди, всю жизнь прошедшие в морских походах. Король осыпал героя индийского похода наградами. Во владение ему был передан г. Синиш, предоставлены льготы на торговлю с Индией. Ему и его потомкам даровали титул дона и назначили пенсию. Он стал официально зваться «адмиралом Индийского океана». Но сам путешественник, будучи алчным и жадным, остался недоволен.

О периоде жизни Гамы между первым и вторым путешествиями известны только отдельные факты. Например то, что примерно в это время он женился на донне Катарине ди Атайди. От этого брака у него было шесть сыновей — Франсишку, Иштеван, Педру, Паулу, Криштован, Алвароу, — а также дочь Изабелла.

Прошло несколько лет, и король Мануэль, не удовлетворившись индийскими экспедициями Кабрала и Жуана да Нова, решил отправить в Индию большой флот. Командовать им было поручено Васко да Гаме.

Флот состоял из десяти кораблей. Еще десятью, входящими в два вспомогательных флота, командовали близкие родственники адмирала. На этот раз экспедиция носила совершенно иной характер. Вероятно, пиратский опыт близ Момбасы не прошел даром. По приказу короля надлежало силой брать товары, если их невозможно было получить мирным путем. Пряности нужно было оплачивать золотом и серебром, которых Португалия, как и любая другая из европейских стран, в то время не имела в достаточном для этого количестве. Это было начало португальской колониальной экспансии.

Во время пиратского рейда флотилия принудила правителей Мозамбика и Килвы уплатить дань, сожгла и разграбила купеческие

корабли, уничтожила арабский флот и г. Каликут, заставила города западного индийского побережья признать верховную власть португальцев и выплачивать дань.

Среди особо кровавых злодеяний Гамы — захват каликутского корабля, на котором было 380 пассажиров. Гама приказал всех их запереть в трюме и сжег корабль вместе с пленниками. Когда корабль загорелся, несчастным удалось вырваться на палубу. Мужчины топорами сбили пламя, а женщины с детьми на руках знаками умоляли пощадить малышей и предлагали свои золотые украшения. Адмирал остался непоколебим. Он приказал взять судно на abordаж и снова поджечь его. Потом флагманский корабль, как коршун, следовал за погибающим судном, не давая никому спастись, а Гама с каменным лицом наблюдал за душераздирающими сценами, которые происходили на борту корабля-жертвы.

Не менее ужасающими были события, развернувшиеся, когда флот подошел к Каликуту. Здесь множество рыбачьих лодок подплыло к кораблям. Гама приказал схватить около тридцати рыбаков. Их тут же повесили на реях. Ночью тела сняли. У трупов отрезали руки, ноги и головы, бросили их в лодку, а туловища выбросили за борт. Вскоре их прибило к берегу. Страшное содержимое лодки вывалили на берегу, а к куче прикрепили

записку на арабском языке. В ней сообщалось, что еще более ужасная судьба постигнет весь город, если тот окажет сопротивление. Такие действия адмирал осуществлял не в порыве гнева, а с обдуманной и холодной жестокостью.

Экспедиция принесла колоссальную прибыль. Васко да Гама получил титул графа Видигейры, а в 1524 г. был назначен вице-королем Индии. После недолгого пребывания там 24 декабря он умер в Кочине. Его тело было доставлено в Португалию и с честью похоронено в Видигейре.

Португалия высоко оценила деяния Васко да Гамы. Через пятьдесят лет после его смерти поэт Луиш ди Камознс воспел их в эпической поэме «Луизиады». В литературе XVI в. он представлен как смелый руководитель и бесстрашный администратор. На взгляд же современного человека, как пишет историк Дж. Бейкер, «он был жесток и упрям. Он не останавливался перед тем, чтобы обливать допрашиваемых заложников кипящим маслом; не стеснялся бросить в открытое море на произвол стихий триста мертвых и умирающих людей с их женами и детьми; по его приказу непослушных португальских женщин гнали розгами по улицам одного из индийских городов. В то же время он братски делил все трудности и лишения с экипажем и однажды во время землетрясения мужественным обращением к

своим людям предотвратил панику. Если как вице-король он и проявил себя жестоким, то поразил как индийцев, так и португальцев тем, что наотрез отказался принимать какие-либо подарки и ревниво следил за тем, чтобы его уважали».

Результаты же главного открытия Васко да Гамы были огромны — как с научной, так и с политической и экономической точек зрения. Благодаря ему стали окончательно известны очертания Африки. Индийский океан, до того считавшийся внутренним морем, был переведен в разряд океанов.

Пряности теперь стали попадать в Европу без посредников. Кончилось длившееся столетиями господство арабов в торговле на Ближнем Востоке. Пришли в упадок процветавшие до того времени Венеция и Генуя. Началось превращение Португалии в одну из главных колониальных держав XVI столетия.

Золотые сны Европы 1-я половина XVI в.

Как вылет кречетов родимых скал,
Устав дырявые донашивать кафтаны,
Прощались с Палосом бойцы и капитаны;
Сон героический и грубый их ласкал.

И плыли покорить тот сказочный металл,
Которым славятся неведомые страны;
Клонили к западу их мачты ураганы,
К таинственной земле их гнал широкий вал.

Ж. М. де Эредиа. «Конкистадоры»

На первую половину XVI в. пришелся разгар эпохи Великих географических открытий. Его кульминацией стало первое кругосветное плавание Магеллана, славу которого затмила слава Колумба, но чье открытие было не менее значительно. Оно произвело революцию в сознании людей, а это всегда менее заметно, чем войны и переселения, золото и изумруды. Благодаря этому человеку мир стал огромным, единым и доступным, а сам капитан сделал именно то, что хотел, — обогнул Землю-шар, чем навсегда развеял все сомнения насчет формы планеты. Плавание Магеллана было вершиной географических открытий всех эпох. Но как все истинно великое, не оно занимало умы современников и не оно стало самой характерной особенностью периода.

Конкистадоры — вот главный тип открывателей того времени. Алчные, жестокие и грубые, огнем и мечом прошли они по новым землям, как Божий гнев над головами людей,

приносящих кровавые человеческие жертвы, открывая эти земли и калеча древнюю, непонятную и недобрую культуру.

Это было время триумфа Испании, расширяющей свое влияние за счет открытия все новых и новых территорий и не слишком интересующейся теми из них, которые не давали золота и драгоценностей. Но даже в этот период в Америке уже пытались закрепиться представители других государств.

К этому времени в Испании большое влияние приобрели банкирские дома и торговые компании — немецкие, фламандские, генуэзские и флорентийские. Самыми влиятельными среди них были флорентийский банкирский дом Медичи, немецкие торговые дома Вельзеров и Фуггеров. Размеры их деятельности поражали воображение. Только оборотный капитал дома Фуггеров, по подсчетам современников, составлял около пятнадцати тонн золота. Вельзеры были еще богаче. Их торговые отделения были открыты в 37 крупных городах Европы. Они имели собственного представителя при королевском дворе. Конечно, Вельзеры не могли оставить без внимания события в Новом Свете. Используя зависимость королевского двора от кредитов, они в 1526 г. учредили первую немецкую факторию в Сан-Доминго, а спустя два года подписали с

испанской короной договор на завоевание Венесуэлы, получив в этих местах неограниченные полномочия. Императору Карлу V за это было уплачено не то пять, не то двенадцать тонн золота. Так в Южной Америке, правда, ненадолго, появились немецкие конкистадоры, опустошавшие и грабившие страну, а попутно обследовавшие территории сельвы^б и Кордильер.

Не дремали и другие народы. По пути Каботов пошли французы, пытавшиеся обосноваться на севере Америки: они понимали, что земля Нового Света богата не только золотом, а ее природные ресурсы могут сослужить хорошую службу странам, опоздавшим к дележу золотого пирога.

Хуан Понсе де Леон (ок. 1460 г. — 1521 г.)

Хуан Понсе де Леон, послушный сатане,
За долгий век познав все тайные доктрины,
Отправился искать, когда пришли седины,
Родник здоровья в неведомой стране.

^б *Сельва* — тропические леса Центральной и Южной Америки.

Со стаей кораблей он в неотступном сне
Три года бороздил безлюдные пучины,
И вот за мглой Бермуд, из-за мелей и тины,
Флорида выросла, подобная весне.

Ж. М. де Эредиа. «Источник юности».

Испанский конкистадор. В поисках легендарной страны Бимини, где бьет «источник вечной молодости», исследовал Багамские острова, открыл Флориду и Гольфстрим. Его имя носит город Понсе на о. Пуэрто-Рико.

Удивительное время переживало человечество в эпоху Великих географических открытий. В сознании людей стиралась грань между сказками, легендами и действительностью. Мир становился похож на сказку, а сказки превращались в реальность. Не поэтому ли на берегах Нового Света возродилась сказка об источнике вечной молодости, известная каждому народу?

Возможно, потому, что фольклор Европы почти всегда помещал чудо-источник на краю света, а Америка для европейцев и была таким «краем», легко было поверить в рассказы индейцев об острове Бимини, где бьет ключ, купание в котором дает возможность омолодиться. Кто первый рассказал о таинственном острове, теперь

установить невозможно, а вот искателя источника мы знаем точно. Им был потомок обедневшей ветви одного из самых знатных и могущественных родов Испании, дон Хуан Понсе де Леон, слывший чернокнижником. Он наверняка был хорошо знаком с трудами китайских, арабских и европейских алхимиков, которые тоже сообщали о таинственном источнике. Возможно, ему было известно и о том, что могущественный китайский император Цинь Шихуанди отправил целую экспедицию на его поиски. Примечательно, что во главе той экспедиции был алхимик. Немудрено, что именно дону Хуану первому пришла в голову мысль снарядить экспедицию для поисков Бимини.

О его жизни до знаменитого плавания практически ничего не известно. Впервые Понсе де Леон появляется на исторической арене как один из участников второго плавания Колумба. Вместе с «адмиралом Океана» он добрался до Эспаньолы (Гаити), там разбогател и был назначен губернатором о. Пуэрто-Рико, им же завоеванного. Еще в 1506 г. во главе небольшого отряда конкистадор высадился на берег и к 1508 г. покорил остров, беспощадно уничтожая местное население. Здесь Понсе де Леон основал маленькое поселение Сан-Хуан и стал спокойно править своей небольшой колонией. Шли годы. Губернатор старел, и это, конечно, угнетало его. Поэтому,

услышав индейскую легенду, он загорелся идеей покорить волшебный остров и получить его в свое владение.

Добившись от короля патента на поиски и колонизацию Бимини, Понсе де Леон снарядил три корабля и начал набирать команду. Какова же была вера этого человека в скорый успех, если он принимал на службу стариков и даже увечных! По его мнению, все они должны были, искупавшись в источнике, вернуть себе красоту, здоровье и молодость. Такая же вера владела и теми, кто за ним последовал.

3 марта 1513 г. флотилия вышла из порта Сан-Хуан и направилась на запад, к Багамским островам, открытым еще Колумбом, но до того времени неисследованным. Испанцы купались в каждом ручье или озерке, но так и не стали моложе, зато открыли между делом острова Кэт, Элютера и Большой Абако. Пройдя мимо последнего, 27 апреля мореплаватели увидели большую землю, покрытую пышной растительностью, и назвали ее Флорида («Цветущая»), ибо открытие было совершено в Цветущее (Вербное) воскресенье. Однако большинство участников похода было уверено, что они нашли Бимини. Недаром на карте, составленной штурманом Аламиносом, значится именно это название.

Далее корабли двинулись на север вдоль побережья, и моряки, конечно, купались во всех встреченных на берегу источниках. Но чуда, увы, не происходило. Отчаявшись в успехе, мореплаватели спустя две недели высадились на берег около 30° с. ш., и Понсе де Леон торжественно вступил во владение Флоридой, которую считал островом. Она стала первой испанской территорией в Северной Америке.

На обратном пути корабли попали в сильное морское течение. Оно было таким мощным, что один из кораблей сорвался с якоря и был унесен в океан. Только чудом ему позже удалось присоединиться к эскадре. Течение шло между Флоридой и Багамскими островами. Это был Гольфстрим — «Течение из залива», как называли его позже испанцы. За время путешествия Аламинос хорошо изучил величественную реку в океане и сумел понять, что течение доходит до берегов Европы.

Соединившись с потерянным кораблем, эскадра двинулась вдоль западного побережья Флориды. Испанцы продолжили свои «молодильные ванны», невзирая на присутствие воинственных, одетых в звериные шкуры туземцев, вооруженных громадными луками и копьями. Таким образом, было открыто более 500 км

береговой линии и цепь коралловых рифов Флорида-Кис длиной 200 км.

Наконец Понсе де Леон убедился, что на Флориде нет интересующего его источника, и в середине июня 1513 г. двинул флотилию дальше на юг, где обнаружил группу островов Драй-Тортугас, а 24 июля сменил курс на юго-западный. Во время дальнейшего плавания он открыл еще ряд островов и побережья, которые до сих пор не удается идентифицировать. Дон Хуан побывал еще на северном берегу полуострова Юкатан, но слава открытия принадлежит не ему, а Херониму Агилару, бежавшему с Панамского перешейка во время борьбы Бальбоа с Никуэсой. Понсе де Леон и его спутники сочли Юкатан тоже островом и также нарекли его Бимини.

10 октября мореплаватели вернулись в Пуэрто-Рико, так и не найдя вождя источника. Но за кормой остались открытые и неисследованные острова, на которые Понсе де Леон имел право на основании королевского патента. Ими нужно было овладеть. Уже в 1514 г. конкистадор обновил патент, но отправиться в путь к берегам Флориды сумел только через семь лет. Во время одной из стычек с индейцами открыватель полуострова получил тяжелое ранение и был вынужден отправиться на Кубу. Здесь в июле 1521 г. Понсе де Леон скончался от ран, открыв

дорогу новым завоевателям вроде Панфило де Нарваэса не только во Флориду, но и дальше, в глубь североамериканского континента. Своеобразным памятником ему стали открытые Аламиносом у $25^{\circ} 40'$ с. ш. к юго-западу от Большой Багамы два маленьких островка, которые он назвал Северный и Южный Бимини. Видно, штурман никак не мог забыть мечту, которую ему и его спутникам подарил их начальник, мечтатель дон Понсе де Леон.

Франсиско Писарро (1468 г. — 1541 г.)

Кастильцы! Здесь — Перу и богатство, там — Панама и нищета! Здесь — радость и счастье, там — голод и тюрьма! Выбирайте! Каждый храбрый кастилец знает, что ему делать! Я сам иду на юг!

Обращение Франсиско Писарро к солдатам в бухте Тумако

Испанский конкистадор, принимавший участие в завоевании Панама и Перу. Открыл часть тихоокеанского побережья Южной Америки с заливом Гуаякиль и Западную Кордильеру Анд. Разграбил и уничтожил государство инков Тауантинсуйю. Основал города Лима и Трухильо.

Франсиско Писарро, один из самых кровавых и беспринципных даже для своего времени конкистадоров, родился в 1468 г. в Трухильо (Испания). Был он незаконным сыном одного из местных идалго. Однако отец явно не заботился о своем отпрыске. Известно, что в начале своего жизненного пути Писарро пас свиней и был

неграмотен. Легенда гласит, что даже вскормлен он был свиньей. Но знатное происхождение, очевидно, кружило ему голову. События в Южной Америке открывали широкие возможности для приобретения славы, богатства и власти. Поэтому около 1507 г. из Севильи он отправился в Новый Свет.

В 1510 г. простым солдатом Писарро участвовал в сражениях на Гаити и Кубе, в походе к Дарьенскому заливу. В 1513 г. вместе с Бальбоа он пересек Дарьенский перешеек и там впервые услышал о богатых золотом странах где-то на юге. После казни своего командира (в его аресте Писарро принимал прямое участие) будущий завоеватель остается в Панаме, основанной в 1519 г. врагом Бальбоа Педрариасом. Здесь в награду за услуги, в том числе и за набеги на панамских индейцев, Писарро получил небольшое имение, но это явно не удовлетворило его жажды золота и власти. Слухи о стране золота доходили до Панамы постоянно, а в 1522 г. они приобрели более конкретный характер, когда из похода к дельте реки Сан-Хуан возвратился Паскуаль Андагойа. По его сведениям, где-то высоко в Андах на юге недалеко от побережья находилась «великая империя Биру» (позже испанцы исказили название и стали называть ее Перу).

Писарро увидел в этом свой шанс и решил во что бы то ни стало завоевать страну. В поисках

средств для организации экспедиции он объединился с конкистадором Диего де Альмагро и богатым священником Эрнаном де Лука. Впоследствии современники стали называть их союз «Союзом трех завоевателей». По условиям договора все богатства страны предполагалось разделить на три части.

Вместе они обратились к губернатору Педрариасу. Тот не пожелал финансировать экспедицию, но согласился участвовать в прибылях. В результате компаньоны смогли набрать только 112 солдат и снарядить два корабля. В этом походе, длившемся с ноября 1524 г. до начала 1525 г., Писарро и Альмагро дошли до 4° с. ш. — точки, уже достигнутой конкистадором Андагойей. Поскольку съестные припасы были на исходе, пришлось возвращаться.

В следующем походе, начавшемся в ноябре 1526 г., участвовало уже 160 солдат. На трех кораблях удалось дойти до устья реки Сан-Хуан, а дальше пришлось разделиться. Альмагро отправили за подкреплением и съестными припасами, Писарро остался на месте, а один из кораблей, которым командовал Бартолош Руис, прошел дальше к югу еще на 700 км, открыл дельту реки Патии, бухту Тумако и пересек экватор. От пленных перуанцев, помимо уже известных сведений, получили

образцы золотых украшений, которые доставили Писарро.

Однако обстановка в лагере была тяжелой. Люди болели, страдали от голода и умирали. Многие хотели прекращения экспедиции. Вместо Альмагро, задержавшегося в Панаме, прибыл корабль от нового губернатора, сменившего умершего Педрариаса, с приказом вернуться. Тут Писарро якобы и произнес свою знаменитую речь. Впрочем, за черту, которую он провел на песке, приглашая всех желающих идти за ним и перешагнуть этот Рубикон, перешло только 13 человек. Остальные ушли на корабле в Панаму. Писарро и его сторонники на бальсовом плоту перебрались на о. Горгона в 50 км от берега. Здесь они пробыли больше полугода, питаясь кроликами и мидиями. Альмагро не возвращался. Вместо этого прибыл корабль, капитану которого было поручено захватить Писарро. Но решившийся на все конкистадор захватил корабль и вместе со своим жалким отрядом отправился на завоевание Перу. Они добрались до бухты Гуаякиль, на берегу которой находился г. Тумбез.

Конечно, с теми силами, что были у испанцев, нечего было и думать о военных действиях. Писарро осматривался. Он вступил в контакт с правителем города и предложил ему принять христианство. Тот ответил, что подумает. В городе

увидели прирученных лам, о которых ходило столько легенд, и золото. Выменяв украшения, захватив с собой несколько местных жителей, чтобы научить их испанскому языку и иметь переводчиков, а также несколько лам, двинулись дальше и достигли 9° ю. ш., где позже был основан г. Трухильо. Отсюда, убедившись, что возделенное богатое государство действительно существует, испанцы повернули назад. Теперь следовало искать средства для масштабного похода.

В Панаме о новой, как считали, губительной экспедиции не хотели и слышать. Тогда Писарро отправился в Испанию к королю, где его красноречие, а также золотые перуанские изделия и ламы, привезенные из похода, помогли убедить двор. Свое слово сказал и Кортес, находившийся в это время в Испании.

Писарро вернулся в Америку как губернатор еще не завоеванной Новой Кастилии (так называли Перу). Альмагро был назначен главнокомандующим, а Эрнан де Луке — епископом Тумбеза. Вместе с Писарро приехали и его братья — Эрнандо, Хуан и Гонсало, будущий открыватель р. Напо, впервые пересекший Анды.

27 декабря 1530 г. отряд Писарро из 180 человек, в том числе 36 кавалеристов (для устрашения индейцев, которые их боялись), отправился из Панамы на трех кораблях. Позже к

нему должен был присоединиться вспомогательный отряд Альмагро, недовольного распределением должностей, возвышением Писарро и его родни.

К тому времени в государстве инков произошли события, облегчившие завоевание. Как и в стране муисков, здесь велись междоусобные войны, длившиеся уже три года. Власть захватил Атауальпа, свергнувший своего брата, верховного Инку Уаскара. Испанцы узнали об этом, ожидая подкрепления близ Тумбеза. 24 сентября 1532 г. завоеватели двинулись внутрь страны от залива Гуаякиль на юг по приморской низменности. Затем перевалили Западную Кордильеру, поднялись на нагорье и 15 ноября достигли Кахамарки. В двух милях от города находился пятитысячный отряд Атауальпы. Войско же испанцев насчитывало всего 62 кавалериста и 106 пехотинцев, из которых только 32 имели ружья. Предательски захватив Атауальпу на глазах свиты и трехсот индейцев (правда, безоружных, поскольку верховный Инка доверял своим «гостям»), вернулись с ним в Кахамарку и быстро овладели положением. Многотысячный отряд индейцев без боя ушел на север. Позже, 26 июля 1533 г., Атауальпа будет казнен после того, как выплатит колоссальный выкуп — одну из комнат во дворце заполнят золотыми украшениями на высоту, превышающую рост человека. Ему придется принять христианство,

купив себе казнь через повешение, чтобы не быть сожженным на костре. А обвинили верховного Инку в убийстве брата, идолопоклонстве, многоженстве и заговоре против испанцев.

Но еще задолго до этого, 5 января 1533 г., Эрнандо Писарро с 20 всадниками и несколькими пехотинцами двинулся на юг к тихоокеанскому побережью. В этом походе испанцы двигались вдоль западных склонов Кордильеры Бланки вверх по течению р. Санты до верховья, вышли на берег океана и обследовали около 200 км береговой линии, перевалили Западную Кордильеру и прошли по долине реки Мантаро в бассейне Амазонки.

После казни Атауальпы Франсиско Писарро 11 августа 1533 г., взяв с собой возведенного им на престол сына Уаскара, Манко Капаку, направился на юго-восток в столицу инков г. Куско. По дороге отряд захватил г. Хаухи и открыл реку Ануримак. 23 марта 1534 г. Писарро провозгласил Куско испанским городом, вернулся в Хаухи, а в конце августа направился к океану. Здесь 5 января 1535 г. он основал г. Сьюдад-де-лас-Регос — «Город Королей», со временем получивший название Лима. Чуть позже, в июле 1535 г., им был заложен еще один город — Трухильо, названный в честь места рождения завоевателя.

Основанием столицы Новой Гранады в основном и завершилось открытие и завоевание

Перу, почти полностью уничтожившее древнюю культуру инков. Получив колоссальную пятину от награбленных богатств, король Испании возвел Писарро в маркизы и утвердил его губернатором Новой Гранады. Альмагро же был назначен губернатором Нового Толедо (Чили), которое еще нужно было завоевать.

В дальнейшем сам Писарро больше не совершал завоеваний и открытий. Ему хватало забот с завоеванной страной, где в 1536–1537 гг. вспыхнуло восстание, поднятое Манко Капакой. Начались междоусобицы и между главарями-конкистадорами. Но соратники Писарро продолжали расширять территорию испанского влияния. В 1534 г. Себастьян Беналькасар завоевал Кито и прошел в земли Южной Колумбии, охватив таким образом часть экваториальных Анд протяженностью 1200 км. В 1535 г. Альмагро проник в Чили и открыл величайшее в Южной Америке озеро Титикака, пустыню Атакаму, верховья р. Нараны и др. В общей сложности его отряд прошел более 5 тыс. км. Гонсало Писарро в поисках новой «золотой страны» в декабре 1541 г. перевалил Восточную Кордильеру, открыл р. Напо и нашел деревья, чья кора напоминала корицу. Часть отряда во главе с Франсиско де Орельяной спустилась по Напо до р. Мараньон, главного истока Амазонки, и спустилась по ее течению к